

ПРЕМИЯ
МАКИЛВАННИ
за лучший детектив

Жайид

КРЕЙГ
РАССЕЛ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ГОТИЧЕСКИЙ ШЕДЕВР
ОТ АВТОРА «АСПЕКТ ДЬЯВОЛА»

Настоящий детектив

Крейг Расселл

Хайд

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Расселл К.

Хайд / К. Расселл — «РИПОЛ Классик», 2020 — (Настоящий детектив)

ISBN 978-5-386-14943-7

У Эдварда Хайда есть странный дар или проклятие, которое он держит в секрете от всех, кроме своего врача. Он проживает две реальности: одну настоящую, а другую – мир грез, вызванный неврологическим заболеванием. Когда викторианский Эдинбург потрясает шокирующее убийство, перекликающееся с древним кельтским ритуалом тройственной смерти, капитан Эдвард Хайд оказывается вовлечен в опасный заговор, паутину которого плетет некто зловещий. Ему предстоит либо раскрыть тайну преступления, либо сойти с ума, заблудившись в мире галлюцинаций...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-14943-7

© Расселл К., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

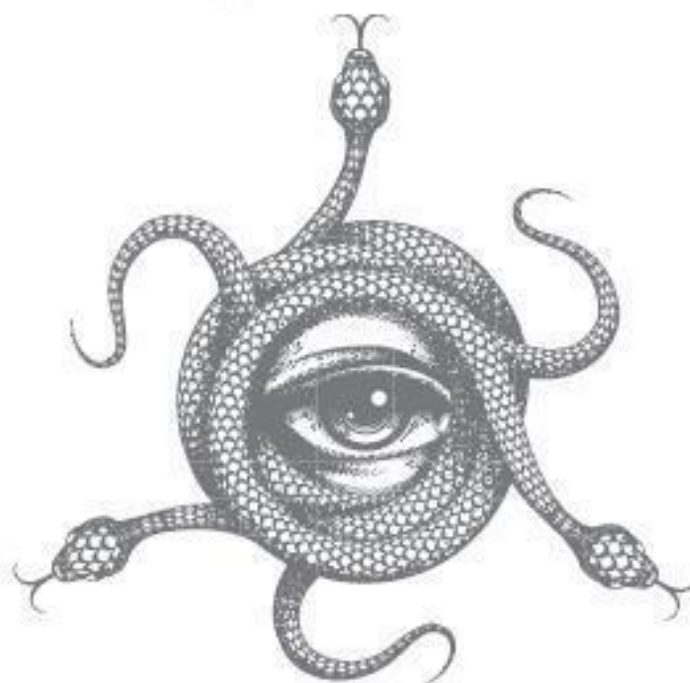
Пролог	8
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	40
Глава 10	45
Глава 11	50
Глава 12	53
Глава 13	57
Глава 14	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Крейг Расселл Хайд

Посвящается Венди

Craig Russell
Hyde

Hyde

Перевод с английского О. А. Павловской

Хайд

© Craig Russell, 2020

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency
LLC

© Павловская О. А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

Пролог

– ...Этого человека звали Хайд.
– Гм, – сказал мистер Аттерсон, – и как же он выглядел?
– Дать его словесный портрет нелегко. Было нечто странное в его внешности, что-то неприятное, прямо-таки отталкивающее. Никто никогда не внушал мне подобного отвращения, но я и сам не могу уяснить, в чем тут дело.

Роберт Льюис Стивенсон

«Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда», 1886 г.

Он смотрел на друга и диву давался, как в этом человеке еще удерживается жизнь. Столь мощная личность, столь сильный характер, негибкая воля и отвага были заключены в невероятно хрупкую, тончайшую оболочку. Глядя на эти узкие плечи, на птичье лицо, и без того бледное, но теперь еще и выбеленное ярким солнечным светом, он понимал, что друг недолго пробудет среди живых, ибо даже сейчас его присутствие в обитаемом мире казалось ускользающим; образ будто уже начинал растворяться – так изображение того, кто позировал фотографу и в момент съемки пошевелился, расплывается на экспонированной фотопластине.

И все время, пока они вот так сидели на скамейке, устремив взоры вдаль поверх белесого прибрежного песка и сверкающей глади Ла-Манша, он ощущал разительный контраст между собственной корпулентностью и немощностью друга. Прохожие, изредка бросавшие в их сторону неловкие взгляды, могли сами убедиться: тот из собеседников, что покрупнее, прочно обосновался в нашем мире и не думает никуда ускользать.

Беседа между ними состояла из скудных реплик – давние отношения достигли того уровня, когда зачастую достаточно просто побыть вместе. К тому же здоровяк боялся утомить хрупкого. В последний раз они виделись несколько лет назад, и разительные перемены, произошедшие с товарищем, здоровяка встревожили.

– Скоро пойдем обратно в «Скерривор», – сказал хрупкий. – Фанни приготовит что-нибудь поесть.

Несмотря на погожий летний день, человек этот был облачен в пиджак из плотного вельветина, болтавшийся мешком на бесплотных плечах. Недавно заходила речь о том, что надо бы подыскать целительный климат – переселиться туда, где воздух почище и солнце поярче, к Южным морям, например, или на американский Запад, – и коренастый собеседник теперь гадал, будет ли его товарищ ходить под другими, ласковыми небесами в том же пиджаке, и сумеет ли другое, дружелюбное солнце вернуть живые краски бледному лицу.

– Всею виной эта чертова книга, – сказал хрупкий человек; он не отрывал взора от пролива, но, должно быть, почувствовал беспокойство друга. – Она меня снедает, пожирает изнутри, а я никак не могу облечь свой замысел в надлежащую форму. Точно знаю, о чем хочу написать, знаю, что в основе должна лежать притча о двойственности человеческой природы, о том, что злое таится в добром и доброе – в злом, но каждый день она, эта книга, сопротивляется мне, дразнит чистой страницей.

– О двойственности человеческой природы, говорите? – подал голос его собеседник.

– Мы сами себе в этом не признаемся, – продолжал хрупкий, – но каждый из нас многолик. В каждом сосуществуют светлые ангелы и темные демоны. Эта тема с детства не дает мне покоя. Как вам известно, я унаследовал от отца буфет работы декана Броуди, краснодеревщика. Буфет этот – поистине произведение ремесленного искусства, и, будучи ребенком, я любовался им при дневном свете, а ночами... О, ночами мысли о том, что он стоит там, во тьме, наводили на меня ужас. Мне чудился призрак Броуди, другой его ипостаси, ночной и страшной; я боялся, что он проникнет в наш дом со своей бандой и убьет нас всех во сне. Тогда,

в детстве, меня завораживало дело Броуди, выжженное клеймом в истории Эдинбурга. Дело человека, который был известным и уважаемым членом эдинбургского общества днем и свирепым разбойником ночью. Меня преследовал кошмарный сон, в котором Броуди появлялся в моей комнате. Я наблюдал, как долговязая черная фигура в треуголке, выпроставшись из теней, пересекает спальню; я слышал, как столярные инструменты, его дневные орудия труда, позвякивают в кофре о ночные – пистолы. Броуди приближался, склонялся над моей кроватью. У него на шее поблескивал обруч из стальной ленты – ходили слухи, он носит такое приспособление, чтобы обмануть палача на виселице. И в этот момент я видел двух Броуди в одном: его улыбка казалась учтивой, благожелательной, и в то же время это была злокозненная, жестокая усмешка. – Хрупкий помолчал немного. – Он по-прежнему у меня, знаете ли, буфет Броуди. Я перевез его сюда, в «Скерривор». Как бы то ни было, история Броуди меня не отпускает, и я хочу написать что-нибудь в том же духе. Что-нибудь не просто о добре и зле, а о сосуществовании добра и зла в одном персонаже, о нюансах их взаимодействия и противостояния. О дуализме и разноречивости человеческой души, в общем. – Он тихо рассмеялся. – Возможно, во мне говорит кельтская кровь, это она внушила мне навязчивую идею. А может, дело в том, что наша страна – сама по себе двойственная натура, и дуалистичное представление Шотландии о самой себе живет в ее сыновьях. Но какова бы ни была причина, я чувствую потребность написать о неоднозначности человеческой природы. – Он вздохнул, и легкое пожатие плечами было почти незаметным в складках слишком просторного для него пиджака. – Только вот никак не удается перенести свой замысел на бумагу.

Коренастый человек некоторое время молчал, тоже устремив взгляд на какую-то незримую точку над водой.

– Если вам нужен сюжет, – произнес он наконец, – могу кое-что рассказать.

И под ярким, но безрадостным борнмутским солнцем Эдвард Хайд поведал хрупкому другу, Роберту Льюису Стивенсону, свою историю¹.

¹ Борнмут – курортный город в Великобритании, в графстве Дорсет, на берегу Ла-Манша, куда шотландский писатель Роберт Льюис Стивенсон (1850–1894) переехал с семьей в 1884 году. Упомянувшийся выше «Скерривор» – дом, подаренный ему отцом в тех краях. Декан Уильям Броуди (1741–1788) – реальный исторический персонаж, ставший героем легенд; этот человек, глава (декан) Плотницкой гильдии и член городского совета Эдинбурга, был повешен за тяжкие преступления, которые ему долго удавалось скрывать, и стал прототипом главного героя повести Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Часть первая

Повешенный

Двумя годами ранее

Глава 1

Тот звук не был похож ни на что.

Пронзительный, душераздирающий, звенящий крик разорвал ночь, как острый, зазубренный, дрожащий от напряжения клинок. Это было нечто среднее между воем и визгом, но ничто в нем не напоминало голос, женский или мужской, в том смысле, что в нем не было ничего человеческого.

Городом уже завладела безлунная ночь – сползла по склонам Маунда², просочилась в бойницы и амбразуры замка, соскользнула вниз, в Старый город, запустила пальцы в тесные кривые закоулки и сведенные судорогой тупики. В Новом городе она угрюмо льнула к высоким и широким окнам домов богачей, слоняясь по изогнутым дугами просторным улицам. Но нигде ночь, словно обладавшая некой темной силой тяжести, не казалась столь густой и черной, как над лощиной, которая несла чистую воду с вершин Пентландских холмов через весь город туда, где она превращалась в бурлящую грязную пену, иссеченную зыбкими тенями мельниц, что выстроились рядами на берегах реки Лейт.

Нелл Маккроссан, когда крик нагнал ее, скользила крошечной бесплотной тенью сквозь огромную темень. Для своих четырнадцати лет Нелл была совсем маленькой, с тощей фигуркой, птичьими косточками и бледной кожей, казавшейся в скудном и будто бы иллюзорном свете редких фонарей белее муки, которую мололи на мельнице, где она работала.

Нелл была трусихой. Она боялась ходить на смену, ее страшили набухшие тьмой провалы между пятнами фонарей, пугали колышущиеся тени вязов и голоса, которые ей чудились в плеске быстрых вод реки. Впрочем, ушам она научилась не доверять – скрежет и стук механизмов на мельнице пагубно сказались на ее слухе, эти звуки набатом раскатывались под сводом черепа, шелестели гомоном призраков и преследовали ее еще долго после того, как она уходила с работы домой.

Поколение назад ее народ пришел в этот город с шотландского севера, покинув зеленые просторы горных долин, когда власти выгнали оттуда земледельцев, чтобы освободить место под пастбища для овцеводов, приносявших больше выгоды. Нелл не знала ничего, кроме судорожной суеты густонаселенных кривоулков и тупиков Старого города, тонущего в разнотравии, лязге, стуке и дыму, – таков был ее мир, и мир этот говорил на грубоватом гортанном английском. Но ранние годы в памяти Нелл еще полнились отзвуками певучего гэльского языка, на котором родители рассказывали ей о незримом иномирье – потустороннем мире кельтских легенд. Так что, торопливо одолевая населенную призраками дорогу к мельнице, она не доверяла долетавшему из лощины плеску реки, вдоль маслянисто-чернильной поверхности которой лежал ее путь, а в памяти оживали сказания о шелки, келпи³ и прочих коварных водяных духах.

Но когда ее нагнал тот крик, все остальные страшные звуки, реальные и воображаемые, разом исчезли. Крик, а вернее чудовищный вой, срывавшийся на визг, казалось, проник сквозь ее тонкую кожу и завибрировал в костях. Нелл тоже закричала – ее собственный страх выплеснулся через край и хлынул в ночь таким же отчаянным воплем.

Тот, другой, крик грянул снова – заметался дрожаще-звенящим рваным эхом над рекой, отражаясь от черных боков мельниц, и вскоре Нелл уже мерещилось, что он несется разом со всех сторон.

² Маунд – искусственный холм, сооруженный в Эдинбурге в XVIII веке между историческим центром, так называемым Старым городом, и строившимся тогда Новым.

³ Шелки и келпи – персонажи шотландской мифологии. Шелки – морские люди-тюлени, способные в определенное время выходить на берег и принимать человеческий облик. Келпи – речной и озерный дух, умеющий превращаться в коня или в молодого мужчину и заманивать путников в воду.

Она всхлипнула, как малый ребенок, заблудившийся в ночи, заозиралась, отчаянно всматриваясь во мрак, – пыталась различить очертания издававшего страшный вой чудовища, чтобы понять, в каком направлении ей нужно бежать.

Вой смолк и раздался снова – в третий раз.

Нелл развернулась на пятках, бросилась во мрак между фонарями...

...и врезалась в этот мрак со всего маху.

Мрак шевелился. Невидимая в ночи черная масса неожиданно оказалась плотной, как будто тени сгустились и отвердели, чтобы встать препятствием на пути Нелл. Столкновение было столь сильным, что ее отбросило назад, и она упала на грязные скользкие булыжники, больно ударившись спиной. От этого удара у нее из груди вышибло весь воздух, и девочка тщетно пыталась вернуть его обратно в отбитые легкие.

Дыхания на то, чтобы закричать «караул», не хватало, а мрак тем временем надвигался на нее, склонялся над ней – силуэт ширился и становился темнее на фоне черной густой ночи. Могучие руки схватили Нелл, и она издала полу задушенный писк – воздуха на крик не доставало. А тот, кто ее схватил, до сих пор ничем не подтвердил своей человеческой природы – она не могла различить в темноте ни глаз, ни лица.

Мрак легко поставил девочку на ноги, словно она была и вовсе невесомой. Чудовище крепко держало ее за плечи, и Нелл понимала, что ему ничего не стоит раздавить ее, смять и сломать кости. Она чувствовала себя беспомощной и не сопротивлялась, когда оно подтолкнуло ее в облако света от газового фонаря.

Теперь свет и тени вылепили лицо – Нелл удалось его разглядеть. Она уже могла дышать, но способность закричать к ней еще не вернулась – не было возможности позвать на помощь, взмолиться об освобождении от чудовища, которое ее схватило и не отпускало.

Лицо у чудовища в газовом свете было человеческое, и оно наводило ужас. Резкие, суровые, грубо вытесанные черты, несмотря на их брутальную красоту, внушали отвращение. И страх. Панический страх. Нелл казалось, что она попала в лапы какому-то монстру. Дьяволу...

А потом она его узнала. Теперь было совершенно ясно, кто перед ней, но избавиться от страха это не помогло.

– Ты как? – раздался низкий глубокий голос, такой же глубокий, как бархатистая тьма, как сама ночь. – Не ранена?

Нелл помотала головой.

– Откуда он взялся? – спросил мужчина.

Нелл, тупо таращась на него, снова затрясла головой, замороженная ярко-голубыми глазами, блестящими на суровом лице.

– Я говорю про тот крик, девочка, – нетерпеливо продолжил он. – Откуда кричали?

– Я не знаю, сэр, – выдавила она. – Как будто отовсюду... Но в первый раз... – Она неопределенно махнула рукой в сторону реки у себя за спиной.

– Ты знаешь, кто я? – последовал вопрос.

Нелл снова взглядела в его лицо, в глаза, сверкавшие в тени, отбрасываемой шляпой и тяжелыми надбровными дугами, рассмотрела широкие угловатые скулы и мощную линию челюсти. Казалось, это лицо высечено из какого-то неведомого материала прочнее камня. Наконец она кивнула, все еще дрожа от страха:

– Вы капитан Хайд, сэр.

– А тебя как зовут, дитя?

– Нелл, сэр. Нелл Маккроссан.

– Ты работаешь на мельнице, Нелл?

Она опять кивнула.

– Тогда беги туда немедленно и скажи своему мастеру, что мне нужны люди для поисков. И еще попроси его послать кого-нибудь в полицейский участок Дина⁴за констеблями.

Девочка молчала и не шевелилась, все еще изучая лицо Хайда.

– Беги скорее! – поторопил он, и этот окрик прозвучал резче, чем он рассчитывал, потому что Нелл как ветром сдуло – тотчас бросилась бежать к мельнице.

Хайд достал из кармана просторного ольстерского пальто новомодный фонарь на батарее и осветил тропу, деревья, реку. Окрестности ожили и обрели зловещий вид в его свете: черная вода с быстрым течением маслянисто отблескивала в круге света, тени деревьев и кустов по берегам корчились, слегка подрагивая. Но ничего подозрительного поблизости не наблюдалось.

Он прошел по тропе назад и спустился к воде, следуя указанному перепуганной девочкой направлению. Река черной гладкоспинной змеей целеустремленно скользила к порту Лейт и дальше, к морю; ночь заглушила грохот промышленных предприятий, и Хайд вздрогнул, когда до него донеслось лязганье паровозных буферов на сортировочной станции железной дороги Балерно. Чем дальше он шел вдоль кромки воды, тем тише становилось вокруг. Воды Лейта, спешащие к морю, крутили по дороге колеса водяных мельниц и через определенные промежутки бурно вскипали, обрушиваясь с плотин. Хайд как раз приближался сейчас к такому водопаду – уже слышен был громкий плеск.

Путь затрудняли заросли кустов и переплетения древесных ветвей у самого берега, поэтому вскоре ему пришлось вернуться на тропу. Сквозь рев воды на плотине пробились голоса – к Хайду приближались рабочие с мельницы. Чтобы обозначить свое местонахождение, он достал из кармана полицейский свисток и дал три коротких сигнала, затем зашагал дальше к плотине. Реку пока не было видно за стеной из густой растительности. Наконец капитан добрался до водопада, и подлесок на берегу внезапно расступился. Кусок железнодорожного рельса, ржавый и гнутый, служил единственным ограждением между берегом и тем местом, где река обрушивалась вниз на двадцать футов. Гул падающего потока и тьма отрезали Хайда от внешнего мира, сделали слепым и глухим ко всему, кроме небольшого ограниченного пространства. Он направил свет фонаря вдоль берега, на котором стоял, потом перевел луч над бурлящей водой на другой берег.

И увидел.

Что-то покачивалось в пятне света, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Нечто зыбкое, почти неразличимое, блекло-землистого цвета, смутно напоминавшего цвет кожи. Поначалу он никак не мог разобрать, что это.

Вяз на том берегу простер над водой могучую ветвь-руку, словно протягивая Хайду свой мертвенно-бледный плод. Очертания предмета, свисавшего с ветви, сперва были неясны в скудном свете ручного фонаря. Предмет покачивался, и оттого казалось, будто это нечто живое. Но мало-помалу Хайду открывался смысл мрачной картины: на той стороне реки, возле самого берега, на длинной веревке, обмотанной вокруг ветви вяза, висел вниз головой голый мужчина, привязанный за лодыжки. Луч фонаря Хайда скользнул по бледному телу к разверстой синева-багровой ране в груди. Широкая черная полоса, оставленная вытекшей кровью, тускло отблескивала в ночи, протянувшись от раны к горлу. Голова повешенного была скрыта под водой. Быстрая река тянула голову за собой, пытаясь унести течением, – от этого тело раскачивалось, и чудилось, будто в нем еще есть жизнь.

Хайд снова достал из кармана свисток, повернулся в ту сторону, откуда пришел, и дал три коротких сигнала.

Словно в ответ ему, опять раздался тот вой – теперь едва различимый за шумом водопада. Сначала Хайд подумал, что это эхо его свистка, но потом узнал высокий, звенящий, нечело-

⁴ Дин (Дин-Виллидж) – деревня у реки Лейт на северо-западе Эдинбурга, ставшая одним из районов города.

веческий крик, на сей раз показавшийся более жалобным и скорбным. Он повернулся вокруг своей оси, однако не смог определить источник звука. Так или иначе, ясно было одно: вопль определенно исходил не от мертвеца, свисавшего с дерева.

Хайд дал еще три свистка и наконец получил нормальный ответ – неподалеку зазвучали громкие крики рабочих с мельницы, спешивших к нему. Когда они подбежали, оказалось, что девочка, налетевшая на него в темноте, вернулась с ними – в свете фонарей призрачно белело ее лицо. Хайд велел мужчинам отвести ее в сторонку, чтобы она не успела разглядеть страшную картину на другом берегу.

– Вы слышали опять тот крик, сэр? – спросила она Хайда. – Это *bean-nighe*.

– Что?

– *Bean-nighe*, – повторила Нелл на гэльском, и голос ее дрожал от страха, выношенного поколениями до нее. – Прачка, – перевела она на английский. – Прачка явилась на берег. Это ее стенания.

– О чем ты толкуешь? – не понял Хайд.

– *Bean-nighe* приходит из иномирья и рыдает, стирая одежду того, кому скоро суждено умереть. – Дрожь, проявившаяся в голосе, теперь уже сотрясала все худенькое тело. – Это ее вой мы слышали. *Bean-nighe* еще называют *ban-sith*, понимаете?

Хайд кивнул:

– Теперь понимаю. Но могу тебя заверить, Нелл: то, что мы слышали, не имеет никакого отношения к потустороннему миру. – Он повернулся к одному из рабочих: – Девочка сильно напугана. Проводите ее на мельницу, и пусть с ней кто-нибудь побудет.

Когда горскую девочку увели, Хайд повел мужчин к ближайшему мосту, они перешли на другой берег и вернулись назад, к дереву, на котором висел голый мертвец. На несколько мгновений все замерли в молчании, как люди поступают перед лицом лютой смерти. Тело можно было рассмотреть более отчетливо, но голова и лицо по-прежнему были скрыты под водой у берега, заросшего камышами. Рана, как Хайд теперь видел, была глубокая и широкая, словно в груди повешенного зиял огромный разинутый рот. Кто-то вырвал у этого человека сердце.

– Его убили, – констатировал рабочий за плечом Хайда.

– Да хуже того, – отозвался другой. – Его убили трижды.

Хайд обернулся и вопросительно взглянул на того, кто это произнес.

– Повесили, выпотрошили и утопили, – пояснил мельник. – И кому только в голову взбрело сотворить такое с человеком?

– Принесите мне кочергу или какую-нибудь палку с крюком, – сказал Хайд. – Нужно вытащить труп на берег.

Третий рабочий вызвался сбегать на мельницу и найти что-нибудь подходящее.

Все время, пока капитан Эдвард Генри Хайд, суперинтендент⁵ сыского отделения Эдинбургской городской полиции, ждал с оставшимися мельниками на берегу, ему не давали покоя два обстоятельства.

Во-первых, то, что он чисто случайно нашел жертву зверского убийства, самым неожиданным образом и по странному совпадению оказавшись в здешних краях, хотя, как ни силился, не мог вспомнить, что его привело в этот район, находившийся так далеко от его дома, и как ему удалось сюда добраться.

А во-вторых, неподдельный ужас девчушки с мельницы. Нелл, похоже, не отпускало далекое шотландское высокогорье с его мифами. Потому что причиной ее панического ужаса была уверенность в том, что они слышали крик *ban-sith*.

⁵ Суперинтендент – офицерский чин в полиции Великобритании и некоторых других государств; по статусу выше старшего инспектора, в данном случае начальник отдела.

То есть банши⁶.

⁶ Банши (*англ.* banshee, *шотл. гэльск.* ban-sith) – в мифологии Британских островов существа из потустороннего мира, способные принимать облик птицы, девушки, женщины или старухи. Они предчувствуют кончину человека и появляются поблизости, чтобы его оплакать.

Глава 2

Доктор Сэмюэл Портеус сидел у камина в своем кабинете и ждал прихода Эдварда Хайда.

Глядя на энергичного, красивого Портеуса, сложно было поверить, что идет сорок седьмой год его жизни и двадцать первый – профессиональной медицинской практики, ибо молодая, не сказать мальчишеская, внешность этого человека всех вводила в заблуждение. Его тщеславие – а он особенно гордился своими золотисто-каштановыми волосами и изумрудно-зелеными глазами – нашло художественное воплощение в портрете, красовавшемся над камином. Портеус заказал этот портрет пять лет назад и теперь завидовал своему ничуть не изменившемуся двойнику – его молодости и неуязвимости к возрасту.

Происхождение Сэмюэла Портеуса было куда скромнее, чем у тех, с кем ему приходилось иметь дело в профессиональной и повседневной жизни, и компенсировал он свою социальную неуверенность тем, что тратил в дорогих швейных ателье гораздо больше денег, чем требовали нормы Шотландской пресвитерианской церкви.

Зато интеллектуальные способности не давали ему ни единого повода для сомнений в себе. С первых лет обучения на врача в Эдинбургском университете Портеус прославился как восходящая звезда науки. Получить подобное признание в Эдинбурге, столице прогресса и всяческих инноваций в области медицины, означало, что любые, даже самые смелые амбиции того, кто его удостаивался, вполне оправданны, а доктор Сэмюэл Портеус был очень амбициозным человеком. За время своей научной карьеры он снискал репутацию пионера нейропсихиатрии и последние пару лет все больше внимания уделял новым дисциплинам – психофизике и психологии. Доктор Портеус был убежден, что именно в этом направлении нужно искать ответы на множество загадок современной психиатрии, которые пока казались неразрешимыми.

Основным местом работы Портеуса как практикующего врача было отделение для душевнобольных Крейглокартской водолечебницы; он также давал консультации в соседнем частном приюте для умалишенных «Крейг». Был у него и свой официальный кабинет в Новом городе. В дополнение к тому Портеус в частном порядке пользовал двух пациентов – только этих двоих, и никого более, – у себя дома во внерабочие часы. Оба казуса требовали строгой конфиденциальности, даже полной секретности, по особым и весьма веским причинам. Ни один из тайных пациентов не знал о существовании другого, соответственно, и не догадывался, что в глазах Портеуса, вопреки разительным отличиям между двумя личностями, они парадоксальным образом были, так сказать, двумя сторонами одной медали.

О лечении тайных пациентов Портеус никому не отчитывался. Наблюдения и собственные соображения по поводу каждого из них он поверял лишь персональному дневнику, который держал в сейфе у себя дома в рабочем кабинете. И у него были свои резоны тщательно оберегать чужие секреты: эти два казуса давали ему уникальную возможность провести революционное исследование. Он не сомневался, что его ждут величайшее научное открытие и еще более великая слава.

Помимо прочего, у доктора Сэмюэла Портеуса хватало и личных секретов. Два пакета с лекарством стояли у него в медицинском шкафу нераспечатанные и ждали своего часа – они пойдут в дело, если дремлющие в самом докторе симптомы недуга вдруг проснутся. Но это был, так сказать, отложенный страх, отдаленная угроза, которая даст о себе знать, как он надеялся, еще очень скоро.

Одним из двух тайных пациентов Портеуса был его друг – Эдвард Хайд. Сегодня вечером как раз он и должен был прийти.

В Хайде было нечто, приводившее доктора Портеуса в замешательство. При каждой новой встрече психиатр тилился понять, почему этот человек одним своим присутствием вся-

кий раз внушает ему смутную тревогу. Как он записал в дневнике наблюдений, Хайд производил внушительное впечатление при своем не слишком высоком росте, был крепкого телосложения, но не толст, и тем не менее с его появлением начинало казаться, что он довлеет над тобой гнетущей, давящей тенью. У Портеуса нередко возникало чувство, что есть некая несоразмерность, какой-то диссонанс в пропорциях Хайда – голова его будто бы на несколько унций тяжелее, руки на пару дюймов длиннее, плечи чуть шире, чем нужно. Что-то в Хайде напоминало о прошлом рода людского, наводило на мысли о не таком уж древнем, но забытом предке человека, об утраченном звене, которое могло бы вписаться в дарвиновскую теорию. Впрочем, в основе этих соображений лежали не наблюдения и взвешенные выводы, а скорее ощущения и догадки на уровне интуиции.

Уродом, однако, Хайда назвать было нельзя – напротив, он обладал некой мрачной красотой. Но сквозило в его наружности нечто дьявольское, отталкивающее, заставлявшее держаться подальше. Хайд вызывал отвращение, при том что отвратительным он вовсе не выглядел. Его манера держаться была до странности спокойной – скупая речь, такие же движения и мимика, – но это спокойствие само по себе смущало, вызывало подозрение, что оно является отвлекающим маневром, маской, под которой все кипит, бурлит и ходит ходуном, что в любой момент удивительная безмятежность Хайда может обратиться во вспышку столь же беспримерного буйства.

Однако все неприятные эмоции мгновенно исчезали у Портеуса без следа, стоило Хайду завести с ним разговор. Печальная правда заключалась в том, что врач на своем жизненном пути не встречал человека добрее, чем капитан Эдвард Генри Хайд. Все, что Портеус знал о своем друге, свидетельствовало об одном: в его груди бьется сердце, преисполненное сострадания к ближним, терпящим беды и несправедливость. Кроме того, Хайд обладал отнюдь не примитивным мышлением – этот джентльмен был наделен утонченным умом и прекрасно образован.

Портеус диагностировал у друга особый вид эпилепсии, и если бы об этом узнали начальники Хайда, он немедленно лишился бы своей должности суперинтендента сыскного отделения Эдинбургской полиции. Потому Портеус предложил Хайду сохранить все в тайне. Однако были и другие, менее благородные соображения, побуждавшие доктора молчать. Течение болезни друга – странные выпадения из реальности, провалы в памяти и еще более загадочные сны, которые на самом деле были не чем иным, как буйными галлюцинациями во время ночных эпилептических припадков, – сулило честолюбивому психиатру прорыв на новые, доселе не исследованные уровни человеческого сознания.

Портеус знал, что причудливый параллельный мир капитана Эдварда Генри Хайда являет собой необозримое пространство для изучения.

Ночь за окнами потихоньку сгущалась, и доктор Сэмюэл Портеус задернул тяжелые бархатные шторы в кабинете. Затем он поднес горящую спичку к щепам в камине и уселся смотреть, как ожившее пламя охватывает поленья. Заодно мысленно напомнил себе, что к нему сейчас направляется друг, а не темное нечто, страшнее и чернее ночи.

Глава 3

Тьма окончательно сгустилась, когда явился Хайд. И в очередной раз, как всегда в первые минуты их встречи, Портеусу почудилось, что друг принес частицу ночи с собой.

По негласному обычаю психиатр притушил фонарь у задней двери, которая вела из его кабинета в сад, чтобы приход Хайда не всполошил челядь. Разумеется, все слуги в доме знали капитана в лицо – он нередко присутствовал здесь на званных обедах и вечерах, приходил и уходил вместе с другими гостями через парадный вход с улицы, а внешность у него, понятное дело, была запоминающаяся. Однако тайные визиты Хайда как пациента зачастую случались в те моменты, когда он был еще не в себе после сильных припадков, и чужие досужие взгляды, а также чье-либо общество, кроме врача, было бы тут лишним.

Так или иначе, рабочий кабинет Портеуса, под который переделали маленький флигель, был местом безопасным и надежным для них обоих. Слугам вход сюда был запрещен, за исключением миссис Уилсон, домработницы, которая приходила раз в неделю прибираться в особняке, но и она всегда должна была спрашивать разрешения у Портеуса, чтобы переступить порог флигеля.

Хайд пребывал в ажитации. Портеус ждал, что он пожалуется на очередной слишком яркий и реалистичный сон, который приснился ему прошлой ночью, а потом не отпускал весь день, занимая мысли и мешая сосредоточиться на работе. Населенное призраками иномирье его сновидений мучило и сильно тревожило Хайда, несмотря на заверения психиатра, что это одно из проявлений эпилепсии – ночные галлюцинаторные приступы вместо нормальных снов.

В этот вечер, однако, Хайда заботило нечто другое.

– Прошлой ночью я присутствовал на месте преступления. Собственно, я его и нашел. – Он опустился в кожаное кресло у камина – как будто тень подобралась, уплотнилась и заполнила собою пространство от сиденья до высокого, загнутого вперед по краям подголовника. Вид у Хайда был мрачный; он хмуро уставился на огонь, словно рассчитывал найти там какие-то ответы. Оранжевые отблески четко высветили тяжеловесную красоту его профиля – четкого, угловатого, грубо вырубленного, – и снова Портеус почувствовал нечто похожее на инстинктивное отвращение.

– Вы нашли жертву? – уточнил врач.

– Да. Сначала услышал... – Хайд помедлил, подыскивая верное слово, – вопли. Они и привели меня к жертве.

– Значит, вы схватили убийцу? – спросил Портеус. – Если вы слышали вопли жертвы, должны были находиться совсем близко.

– Вопли издавала не жертва, – сокрушенно покачал головой Хайд. – Сложно будет объяснить... Так или иначе, никаких следов убийцы там не было. Именно это меня и беспокоит.

– Не понимаю...

– Мною были найдены останки жертвы. Я наткнулся на место преступления. Обстоятельства удачным образом сложились так, что я, сыщик, расследующий убийства, оказался там, где человека лишили жизни.

– И вас это удивляет? Почему?

Хайд подался вперед, уперев локти в колени и сгорбив могучие плечи.

– У меня опять был провал в памяти. – Он вздохнул. – Не помню ни событий, ни своих действий, которые привели меня к месту преступления. Понятия не имею, как я там очутился. Мое сознание словно выключилось незадолго до того, как я покинул полицейский участок, и включилось снова лишь в окрестностях места убийства.

– О, – сказал Портеус, – ясно. Вы уже сообщили об этом своему руководству?

– Никому не сообщил, кроме вас, – покачал головой Хайд. – Пока что. Полагаю, вы понимаете, почему я так спешил повидаться с вами. Обычно провалы в памяти отнимают у меня несколько минут, а на этот раз пропало больше часа. И было совершено убийство. Я оказался совсем рядом, но при этом не могу вспомнить, каким образом и почему. Я не помню, что делал до того.

Портеус встал с кресла и, подойдя к огню, оперся согнутым локтем на каминную полку. Затем достал из кармана смокинга бумажную пачку, взял в зубы сигариллу и прикурил. Хайду он пачку не предложил – знал, что друг не курит.

– И вы думаете, что имеете отношение к этому преступлению? То есть что вы причастны к убийству? – Психиатр насмешливо фыркнул. – Какая нелепость. Вы способны на убийство не более, чем я сам.

– Как вы можете утверждать это с такой уверенностью? – В голосе Хайда прорвалось отчаяние. – Только вспомните, о чем мы с вами тут говорили целых два года – об абсолютном безумии моих снов. О моем умопомешательстве...

– Эдвард, – перебил Портеус, – мы сто раз с вами это обсуждали. Нет у вас никакого умопомешательства. Недуг ваш имеет не психическую природу, а неврологическую. Это эпилепсия, и не более того. В вашем случае эпилепсия вызывает абсансы – припадки с кратковременной потерей сознания, которые вы называете провалами в памяти и которые я бы определил как *status epilepticus*⁷. Она же, эпилепсия, виновна и в ваших продолжительных ночных видениях – как я уже не единожды вам объяснял, это больше, чем просто сны, это галлюцинации. В любом случае, безумие присутствует и в снах здоровых людей, ибо сны коренятся в самых глубоких и темных слоях нашего разума.

– Но таких снов, как у меня, не видит никто, – отрезал Хайд.

Портеус кивнул и обратил взор на огонь; в холодном изумрудном зеркале глаз закачались отраженные языки пламени. Он пытался представить, каково это – пережить во сне галлюцинаторный приступ, который проявляется в форме кошмара – отчетливого, объемного и совершенно неотличимого от реальности. Каково это – пережить неистовый шторм в собственном мозге, создающий немыслимые, зачастую чудовищные, но вполне достоверные вселенные.

– Послушайте, Эдвард... – Доктор Портеус затянулся сигариллой и выдохнул облако дыма, наполнив комнату ароматом табака. – Наступает новый век медицины – мы всё больше и больше понимаем в механизмах эпистатуса. Так что могу вас заверить: убийцы-лунатики и маньяки-эпилептики годятся в качестве персонажей для бульварного чтива, но в действительности их попросту не существует.

– Если, конечно, причина моего состояния – эпилепсия, – вяло попытался возразить Хайд.

– Это эпилепсия, Эдвард, не сомневайтесь. Ученым уже ясна природа абсансов – с ними связано полное отрешение от реальности. Поверьте, во время таких припадков невозможно никакое проявление человеческой воли для совершения действий – ни сознательное, ни бессознательное.

– Однако именно по своей воле я проделал путь, который привел меня к месту преступления, – заметил Хайд. – А это почти в двух милях от того места, где я находился до провала в памяти.

– Воля тут ни при чем, – возразил Портеус. – Вы находились в состоянии так называемого абсанс-автоматизма, при котором могли работать только вегетативные, автоматические функ-

⁷ Эпилептический статус, или эпистатус (*лам*) – состояние, при котором припадки повторяются один за другим через короткие паузы. Эпистатус абсансов может длиться несколько часов – без судорог, но с нарушениями или полным отключением сознания.

ции. Во время череды припадков вы были неспособны целенаправленно совершить какой-либо поступок.

– А что, если воля была не моя? – Хайд вдруг растерянно нахмурился, будто пытался поймать ускользающую мысль. – Что, если меня привели к тому месту? Может, кто-то внушил мне, что я должен там оказаться? И произошло это, как раз когда я был в состоянии абсансов...

– Эдвард, это тоже все из области бульварного чтива. Или того хуже – из брошюр месмеристов о сеансах гипноза, в которых ни грамма научного знания. Человека в измененном состоянии сознания невозможно заставить сделать то, чего бы он никогда не сделал в здравом уме и твердой памяти. Джон Хьюлингс Джексон, один из первооткрывателей эпилепсии, ввел особый термин для состояния сознания, в которое вы входите во время абсансов. Он называет это «перенос», потому что вы перестаете осознавать свое присутствие в реальном мире. Вы находитесь не здесь, а стало быть, не можете повиноваться чьим-либо приказам, благим или дурным.

– И тем не менее я не понимаю, каким образом оказался так близко от места преступления в тот момент, когда жертва еще не была обнаружена, – мрачно сказал Хайд. – Слишком уж подозрительное совпадение.

– Возможно, это вовсе не совпадение. Амнезия распространяется отчасти и на события, которые предшествовали абсансу. До первого приступа вы пребывали в полном сознании, ваш организм функционировал нормально, вы вели себя как обычно, но теперь не можете вспомнить этот отрезок времени. Непосредственно перед началом эпистатуса вы могли что-то узнать или подумать о чем-то таком, что и побудило вас отправиться туда, где вы затем пришли в себя.

– И об этом мне уже не вспомнить? Память не вернется?

– Возможно, вернется. Мы постоянно делаем новые открытия, касающиеся работы мозга. Человеческая память не одномерна, она состоит из множества слоев. – Портеус замолчал, бросил окурочку сигариллы в огонь и, отступив, взглянул на свой портрет, висевший над каминной полкой. – Представьте память как картину, написанную маслом. Ее основа – это холст, который когда-то был чистым. Но изображение, которое мы видим, появилось на голом холсте не одновременно. Сколько было ошибок, неверных мазков, подправленных контуров, изменений в композиции и цветовой гамме – все это скрывается под верхним слоем, который и явлен миру. У итальянцев для этого есть особое название – *pentimenti*⁸. Мысли художника, его искания и старания слой за слоем ложатся на полотно, и мало-помалу все, что осталось на нижних слоях, становится потерянным уже и для него самого. Человеческая память работает точно так же. Ее чистый холст – это *tabula rasa* младенческого мозга, «чистая доска», на которую наносятся слой за слоем опыт, эмоции, воспоминания. Сцены и персонажи прорисовываются во всех деталях, а затем перерисовываются, закрашиваются, мы уже не видим каких-то лиц, но это не означает, что их там больше нет, – если хорошенько присмотреться, мы, возможно, сумеем различить очертания. Или же просто-напросто аккуратно удалим мешающие их разглядеть слои.

– Стало быть, вы думаете, что мои воспоминания о том, что предшествовало припадкам, никуда не исчезли, что они остались на более глубоком уровне сознания? И как же мне их оттуда извлечь?

– Я не знаю, возможно ли это в принципе. Сейчас у нас тут, в Эдинбурге, некий Джеймс Брейд практикует революционные методы гипноза, благодаря которым якобы можно заглянуть в подсознательное. Однако, дорогой Эдвард, не забывайте, что вы – сыщик по призванию и по роду занятий. Не исключено, что использовать ваш дар – лучший способ найти ответы. Я бы посоветовал вам начать с возвращения на то место и к тем событиям, которые вы хоть немного помните перед началом припадков. А может, ответы у вас уже есть.

⁸ Букв.: изменения намерений (*int.*) В живописи так обозначают авторские правки, отклонения от конечного рисунка, которые видны на рентгенограммах картин или при шелушении краски.

- Не понимаю...
- Ответы таятся в вашем собственном иномирье, Эдвард. В ваших снах.

Хайд провел у психиатра еще не меньше часа. Они беседовали, Портеус пил вино и курил сигары – как будто двое друзей устроили посиделки и приятно проводили время. Однако, насколько мог заметить хозяин дома, настроение Хайда ничуть не улучшилось.

Перед уходом капитана, как у них было заведено, Портеус вручил ему новую бутылочку с микстурой. Эпизод, о котором рассказал Хайд, столь угнетающе подействовал на него, что доктор счел благоразумным подкорректировать ее состав. При этом он не желал, чтобы Хайд, опытный сыщик, интересовался подробным перечнем компонентов.

Было около двенадцати, когда Портеус стоял у окна и смотрел, как Хайд выходит через заднюю дверь его кабинета и вскоре исчезает из виду— тень смешалась с другими тенями, слилась, растворилась в полуночном саду. После этого он попытался разобраться в своих неоднозначных чувствах, оставленных визитом друга. В эмоциональную палитру входили жалость, печаль, озабоченность. Даже вина.

И облегчение.

Глава 4

За окном занимался рассвет. Эдвард Хайд тихо-мирно лежал в темноте спальни с задернутыми шторами, вернее парил где-то между двумя мирами – сновидений и яви. Сегодня ему тоже снился сон, но самый обычный, какие бывают у всех, – это не был калейдоскоп галлюцинаций, вызванных ночными припадками. Сон плавно разворачивался и теперь так же плавно рассеивался под сомкнутыми веками. Хайд видел самого себя юным и беспечным, играющим с другими детьми светлыми вечерами на закате лета в золотисто-зеленых красках детства – красках, трепещущих жизненной силой; видел мать – она рассказывала ему на ночь сказки о брауни⁹ и феях, о легендарных героях Кухулине и Финне, сыне Кула, о коварных злодеях и фантастических существах.

Сладостный морок на грани сна и бодрствования длился и длился, а вместе с ним длилось что-то еще – некое чувство не оставляло Хайда, словно витающий в воздухе давно забытый аромат, который пробуждает ясные воспоминания из далекого прошлого. Чувство, не посещавшее его давным-давно. В этот зыбкий, исчезающий момент он снова был по-настоящему счастлив.

Проснувшийся город, однако, настойчиво давал о себе знать – там, за плотно задернутыми шторами, по булыжникам улицы Нортумберленд вразнобой грохотали обитые железом колеса и подкованные копыта, звуки эти окончательно вернули капитана к действительности. Вместе с пробуждением свершилась метаморфоза: счастливый легконогий мальчишка Эдвард из сна начал меняться – другими становились рост, вес, фигура, весь внешний облик обретал грубоватую тяжеловесность, – и в конце концов место мальчишки занял нынешний Хайд.

Он лежал и прислушивался к нараставшему шуму дня: колес на мостовой прибавилось, тихими волнами накатывал неразличимый гомон – под окном проходили и удалялись люди. Дымно-серый город ворочался, потягивался, возвращался к своей дымно-серой жизни. Образы из сна уступили место реальным воспоминаниям о предыдущей ночи: о повешенном, который покачивался на ветке, погрузив голову и руки в мутный поток реки Лейт, и о нечеловеческих воплях – без сомнения, их издавал безумный убийца, ибо лишь во власти безумия человек способен сотворить такое с ближним своим.

Одновременно вдруг всплыли более давние воспоминания, вернулись его помучить. Хайд вспомнил о днях, проведенных на далекой, чужой, залитой солнцем, благоуханной земле. О зверствах, совершавшихся под ослепительно-ярким небом во имя империи, – те, кто их совершал, не могли сослаться на безумие в свое оправдание. Он вспомнил о войне, ведомом чувством долга. О том, кто удостоился страшного прозвища *Jaanavav* — Зверь.

Там и тогда был другой мир. Там и тогда он был другим человеком.

Хайд встал раньше обычного, и настроение, без того нерадостное, лишь ухудшили мысли о мероприятии, на котором ему надлежало присутствовать нынешним утром. Он жил в таунхаусе, городском особняке, просторном, сравнительно большом и почти пустом. Множество комнат были попросту заперты, что свидетельствовало о характере владельца. Хайд умылся, как обычно по утрам, затем оделся. Не по чину, а скорее по классовой принадлежности ему полагался слуга, но он слишком дорожил своей приватностью, чтобы обзаводиться фактотумом. Он понимал, что во время приступов может напугать и всполошить нечаянного свидетеля, а если свидетель об этом еще и разболтает, тогда дальнейшее исполнение капитаном Хайдом обязанностей суперинтендента сыскного отделения будет поставлено под вопрос. В итоге Эдвард Хайд стал сам себе чистильщиком обуви, гладильщиком, камердинером и лакеем. Он накрывал на стол и разжигал камин, сам стряпал и сам завтракал наедине с собой. Каждое

⁹ Брауни – домашние духи, домовые в шотландском фольклоре.

его утро было наполнено ритуалами, которые капитан ревностно соблюдал, отрешившись от мира. Приготовления к началу дня были систематическими и привычными, а мозг полностью сосредоточивался на повторяющихся действиях и не допускал мыслей об одиночестве, которое пронизывало его жизнь.

Перед началом нового рабочего дня он облачился в черный костюм-тройку с пиджаком свободного кроя на трех пуговицах и серым шелковым жилетом, прикрепил к сорочке новомодный отложной воротничок вместо старого воротника-стойки с отогнутыми уголками и выбрал галстук-самовяз вместо обычного шейного платка. Поверх костюма накинул ольстерское пальто из черного твида, купленное в универмаге Локвудов на улице Принцев (в свое время выбор Хайда пал на этот предмет одежды из-за широкой пелерины, которая отчасти скрывала непомерную ширину его плеч), надел темно-серую шляпу-хомбург, чьи широкие поля оставляли черты лица в тени, и натянул на толстые пальцы перчатки ручной работы из свиной кожи.

Не будь этот утренний час столь ранним, а фигура, облаченная в безупречный наряд, столь могучей, при виде капитана Эдварда Генри Хайда можно было бы подумать, что этот джентльмен спешит на службу в какой-нибудь эдинбургский банк или в другую финансовую контору. Но дело, в котором нынешним утром предстояло, так сказать, подвести баланс, относилось совсем к другой области, куда более мрачной, и Хайд обязан был при том присутствовать.

Экипаж уже ждал его на улице; черные от сажи столбы дыма ввинчивались вертикально в стылое безветренное небо, поднимаясь от десятка тысяч проснувшихся городских очагов.

– С добрым утром, капитан Хайд, – приветствовал шефа кучер в полицейском шлеме, сидевший на облучке. – Я так понял, мы сегодня не в участок едем?

– С добрым утром, Маккинли, – отозвался Хайд. – Пока нет. Мне сначала надо заскочить по двум адресам.

Когда он протянул Маккинли бумажку с первым адресом, констебль-кучер тотчас помрачнел и коротко кивнул:

– Понял, сэр.

Парадоксально, но факт: помещение было светлым, почти жизнерадостным.

Белым.

Стены здесь были выбелены, и все деревянные элементы интерьера – двери, маленький столик, придвинутый к стене, рамы слуховых окон, перила, отделявшие часть комнаты, где сейчас стояли Хайд и его коллеги, вертикальный столб с перекладиной и даже крышка люка – все было выкрашено белой краской. Обычные окна в стенах отсутствовали, но через широкие проемы в крыше щедро лился утренний свет.

И еще здесь было очень тихо – Хайд и шестеро мужчин замерли за перилами в молчаливом ожидании.

Моррисон, молодой человек двадцати одного года от роду, принялся жадно озираясь, едва войдя, словно давно не видел свет и успел изголодаться по новым впечатлениям. Он был высок и сухощав, с широкими плечами, румяным лицом и взъерошенными волосами цвета ржавчины. Румянец казался еще живее и ярче на фоне белого спокойствия комнаты, отчетливо контрастировал с сорочкой из беленого льна без воротника, которая была на парне. Моррисон увидел Хайда, стоявшего среди других мужчин, и кивнул в знак узнавания; губы на мгнове-

ние дрогнули в неуверенной улыбке. Один из двух сопровождающих подтолкнул его, взяв за локоть. Моррисон повернулся к нему почти что с виноватым видом, будто устыдился своей медлительности, и шагнул вперед.

– Выпей, – коротко приказал второй конвойный в униформе, протягивая парню стеклянную стопку с прозрачной жидкостью.

Моррисон послушался и сморщил нос, проглотив напиток залпом. От группы за перилами отделился усатый человек, на голову ниже Моррисона, облаченный в темный саржевый костюм. Он подошел к парню, перехватил его локти за спиной кожаным ремнем, затем опустился на колени и сковал ему лодыжки кандалами D-образной формы. Движения усаца при этом были быстрыми, решительными и сноровистыми, что свидетельствовало о немалом профессиональном опыте. Моррисон снова покосился в сторону Хайда и как будто хотел что-то сказать, но усац в этот момент взял со столика и ловко накинул ему на голову белый холстяной мешок, затем все с той же беспримерной сноровкой надел поверх мешка веревочную петлю и затянул ее у Моррисона на шее. А дальше одним стремительным плавным непрерывным движением он отступил назад, взялся за рычаг и потянул. Тишину нарушил громкий стук откинувшейся крышки люка в полу, и Моррисон провалился в открывшийся проем. Пеньковая веревка заскользила в кожаном рукаве, и петля, завязанная палачом, туго затянулась.

Голова Моррисона оставалась видна над люком. Повешенный дернулся, будто резко пожал плечами, и затих – лишь раздалось короткое приглушенное мычание, а тело плавно закачалось.

Между двумя событиями – когда молодой рабочий каменоломни вошел в белую комнату и когда он покинул этот мир – прошло всего полминуты, может, чуть больше.

Начальник Колтонской тюрьмы кивнул малочисленной группе свидетелей: Хайд стоял рядом с Аберкромби, полицейским врачом, подле них – двое газетных репортеров и два представителя службы прокурорского надзора, младший из которых выглядел так, будто его сейчас стошнит. Затем все они молча вышли из белой комнаты, находившейся в пристройке для исполнения приговоров, и нарушили молчание, лишь когда оказались в тюремном коридоре, выложенном зеленой и бежевой плиткой.

– Неважно, заслуживает человек смерти или нет, – сказал Хайд, обращаясь к Аберкромби, – смотреть на это всегда тяжело. Не могу убедить себя в том, что так поступать правильно.

– Нам всем нужны ритуалы, – рассеянно отозвался Аберкромби, который в этот момент был занят тем, что доставал карманные часы и проверял, сколько времени.

Хайд знал, что сейчас врач отправится пить чай в обществе начальника тюрьмы – будет дожидаться, когда пройдет предписанный законом час после казни, чтобы затем спуститься в кирпичный колодец под белой комнатой и убедиться, что последняя искра жизни угасла в теле приговоренного.

– Ритуалы? – переспросил Хайд.

– Повешение – такой же религиозный ритуал, как и любой другой, – сказал врач. – Это жертвоприношение с благой целью, совершаемое в рамках культа закона и порядка. Оно посвящено богам правосудия. Скромное деяние ради того, чтобы механизмы вселенной работали, как полагается. И давайте будем честны – если кто и заслуживает болтаться в петле, так это Хью Моррисон. Бедная девочка... – Аберкромби замолчал, качнув головой.

История эта была всем известна: Мэри Пейтон, которая все восемь лет своей жизни провела в трущобах, в один злосчастный день играла на улице и пропала. Тело ее нашли месяц спустя в канаве у заброшенной дороги, что огибает Цыганский откос. Кто-то натаскал в канаву веток и сплел их так, что получилось нечто похожее на огромное гнездо или на колыбель, затем уложил туда мертвую девочку и накрыл останки другой охапкой веток и листьев. Когда

горожане узнали об этой могиле, Мэри Пейтон тотчас прозвали «дитя с Цыганского откоса» и «дитя из ведьминой колыбели».

Ее труп нашел Хью Моррисон, каменотес из Грантонской¹⁰ морской каменоломни герцога Баклея. Нашел, примчался в каменоломню, рассказал о своем страшном открытии мастеру, и тот еще сходил с ним к канаве удостовериться, что парень не сочиняет, прежде чем известить полицию.

У Хайда сложилось впечатление, что Моррисон не то чтобы дурачок, каким его все считали, а скорее ребенок в обличье взрослого мужчины – некто, замкнутый в своей собственной вселенной и неспособный понять механизмы взаимодействия в социуме. С товарищами по работе его разделяли не только своеобычность характера и особенности развития, но и происхождение: в речи Моррисона звучали напевные интонации горцев. Все вокруг, и особенно коллеги-каменотесы, считали его «тронутым», то есть странным. Он часто напевал что-то под нос или разговаривал сам с собой за работой и, казалось, понятия не имел о том, как завязать внятное общение с другими людьми.

Известно было также, что он предпочитает компанию помоложе – его видели с детьми.

Наиболее показательным, однако, был тот факт, что Моррисон не сумел объяснить, как он очутился у Цыганского откоса на дороге, заброшенной лет десять назад. Сейчас по ней и вовсе уже невозможно было пройти – вся заросла диким кустарником. То есть странного парня странным образом занесло в странное место, где была похоронена убитая девочка.

В итоге подозрения неизбежно пали на него. Доказательств вины при этом не хватало, но еще прежде, чем Хайд получил возможность допросить молодого каменотеса, другие полицейские добились от того признания в преступлении. По правде говоря, состояние тела мертвой девочки привело грантонских полицейских в такое негодование, что они не сдержались, и признание в буквальном смысле было выбито из Моррисона. Позднее же юный горец неистово отказывался от своих слов.

Хайд задавался вопросом, почему предполагаемый убийца добровольно показал место захоронения жертвы, но не мог сказать, откуда он ее похитил, ибо явно не знал, где это произошло. А коллеги Хайда объяснили все нестыковки умственной отсталостью Моррисона и отметили его сомнения. Положение Моррисона усугубилось еще и вздором, который он нес без устали, – твердил на английском и на гэльском, что девочку, должно быть, растерзал *cù dubh ifrinn* — «черный пес из преисподней», мифический зверь, персонаж горского фольклора.

– Моррисон поклялся мне, что он невиновен, – сказал Хайд полицейскому врачу.

– Они все так делают, – пожал плечами Аберкромби. – Я и сам бы от чего угодно откредитился, если б мне накинули петлю на шею.

– Да, – согласился Хайд, – да, все отпираются. Но обычно я вижу, лгут они или нет. Не знаю, врожденное ли это свойство или навык, приобретенный за долгие годы, но обычно я распознаю правду за ложью, вернее различаю тень того, что лжецы пытаются скрыть от чужих глаз.

– А с Моррисоном ваше чутье не сработало?

– Нет. То есть да. Мне показалось, что не было там никаких теней. Так или иначе, я ему поверил и сделал все, чтобы найти доказательства его невиновности, но не преуспел.

– У вас репутация сыщика, которому нет равных в поисках истины. Вы всегда докапываетесь до сути. Быть может, в деле Моррисона и искать-то было нечего?

– Может быть, – кивнул Хайд. – Но я не могу отделаться от ощущения, что мы убили невинного.

¹⁰ Грантон – северный портовый район Эдинбурга.

Дальше они в молчании зашагали по вымытым карболкой коридорам Колтонской тюрьмы. Маккинли ждал снаружи на облучке полицейской кареты в тени здания с зубчатыми стенами – резиденции тюремного начальника. Аберкромби медлил, хотя пора было прощаться.

– А что там с другим нашим висельником? – наконец спросил он. – С тем, которого привязали за ноги над Лейтом? Вы мне таких покойников еще не подбрасывали. Его, я так полагаю, уже передали доктору Беллу на вскрытие?

– Да, сегодня утром.

– Странное будет дело, Хайд. Воистину странное.

Глава 5

Это было место, предназначенное для зрелищ и увеселений; это пространство создали для того, чтобы оно наполнялось смехом и аплодисментами. Но когда Хайд ступил туда, побывав в блеклой, ахроматической простоте комнаты для экзекуций и проехав в карете под ярким полуденным солнцем, ему показалось, что он попал в багровую преисподнюю.

Возможно, неприятные ассоциации были связаны с тем, что он знал о временно присвоенном этому театру назначении.

Как и в любом зрительном зале, в центре внимания тут находилась сцена, и вся архитектура здания подгонялась под нее, а элементы внутреннего убранства будто бы собрались выжидательно вокруг главной героини. Зал был трехъярусный. Пустые кресла с откидными сиденьями, обтянутые роскошной темно-вишневой тканью, несли позолоту на деревянных частях; они выстроились бок о бок в несколько дугообразных рядов перед сценой. По обеим сторонам находились три яруса по три закрытых балкона в каждом; их пузатые парапеты цвета слоновой кости были украшены декоративными элементами из багряного стекла – как будто они забрызганы кровью. Все остальное тоже было в красной гамме: пышный акантовый орнамент цвета кларета вился-струился по обоям; тяжелый театральный занавес был карминным, портьеры и бархатные драпировки в арках авансцены – темно-алыми. Потушенные сейчас газовые светильники на стенах прикрывались замысловатыми стеклянными плафонами – густо-малиновыми. После уличного света казалось, будто есть что-то анатомическое, органическое в этом багровом полумраке.

Единственным освещенным местом в театре была сама сцена, и на ней присутствовали всего два актера. Оба находились в пятне яркого света. Это были доктор Джозеф Белл с окровавленными руками, уверенно стоявший на ногах, и человек, лежавший на передвижном хирургическом столе под внимательным взглядом патологоанатома. Было совершенно очевидно, что человек на столе уже никогда не сыграет ни в одной драме, по крайней мере не в этом мире.

– А, Хайд... – Доктор Белл поднял голову и широко улыбнулся. Анатом и судмедэксперт был высоким, гладко выбритым мужчиной лет пятидесяти с гривой жестких, рано поседевших волос, зачесанных назад над широким лбом. Рукава рубашки он за работой закатал до локтей, а прорезиненный фартук защищал от загрязнений жилет и брюки. – Вот и публика подросла на мое представление!

– Я знал, что вы истый театрал, доктор Белл, однако... – Хайд с улыбкой обвел рукой зрительный зал.

– Мне доводилось делать аутопсию в самых разных местах – в армейских палатках, в заброшенных церквях, в пивных и в домах усопших, но, смею вас заверить, – патологоанатом окинул взглядом сцену, – это нечто... грандиозное! Вы же слышали о пожаре в лазарете, я полагаю? Наши смотровые и анатомичка будут недоступны еще как минимум недели три. Увы, на это время нам придется стать бродячими актерами... – Заляпанная кровью рука с длинными тонкими пальцами повторила недавний жест Хайда. – Театр нам отдали всего на неделю, потом мы вынуждены будем уступить эти подмостки Шекспиру. Кажется, здесь дают «Макбета», а значит, крови ожидается куда больше.

– Пока что я вижу спектакль одного актера с вами в главной роли, – подал голос Хайд.

– Что?.. О, нет. Мы работаем вдвоем – я отправил ассистента за недостающими инструментами.

– Вам, должно быть, ассистирует доктор Конан Дойл?

– Нет, не сегодня. К сожалению, молодой Артур нас покинул – собирается заняться врачебной практикой на южном побережье Англии. Но сдается мне, он более склонен к писатель-

ству, нежели к предписаниям для пациентов. Его прощальным подарком стало обещание сделать меня героем какой-нибудь детективной истории, не больше и не меньше. Так что сегодня мне ассистирует доктор Бёрр. – Белл расплылся в улыбке.

Хайд, осведомленный о собственной тяжеловесности во всем, завидовал его изяществу, в котором не было ничего женственного, и легкости в общении.

– Вы уже встречались? – продолжал доктор Белл. – Нет? Это молодой врач редкостных достоинств. Однако сейчас мы в небольшой запарке – распроклятый пожар лишил нас привычной среды обитания, где все было под рукой. – Патологоанатом замолчал и склонился над телом, лежавшим на хирургическом столе. – Полагаю, этот джентльмен – один из ваших клиентов?

Хайд тоже взглянул на труп. Ему было известно о художественных способностях смерти – она перерисовывает тела, делает кожу где-то бледнее, где-то темнее; кровь, лишившись цели, безвольно стекает туда, куда ее тянет сила тяжести, и в результате покойник кажется старше, чем был, словно вместе с жизнью у него отнимают молодость. Поэтому тогда, стоя на берегу реки в Дине с карманным фонарем в руке, освещавшим перевернутую вниз головой, покачивавшуюся над водой фигуру, Хайд был уверен, что перед ним мужчина средних лет – казалось, это тело пострадало от времени. Но сейчас, глядя на жертву, вытянувшуюся на хирургическом столе, он ясно видел, что человек был достаточно молод и обладал крепкой мускулатурой.

Его подвесили за ноги, головой вниз, поэтому лицо было тошнотворно синюшным, сплошь покрытым трупными пятнами. Когда труп сняли, часть крови отлила от лица, но губы и веки остались багровыми и распухшими, а под кожей просвечивали чернильно-синим кружевом капилляры. Темное лицо казалось еще темнее от того, что кожа контрастировала с белокурыми волосами, усами и бакенбардами. Но вопреки темному гриму, нанесенному смертью, Хайд видел, что это лицо молодого человека.

– К сожалению, да, один из моих, – ответил он доктору Беллу. – Его привязали за ноги к ветке дерева так, что голова оказалась под водой. Он...

– Захлебнулся? – Белл прошелся взглядом по покойнику, кусая губы, и покачал головой. – Воды в легких нет. И рана в груди тоже не была причиной смерти. У него вырезали сердце и опустили голову в воду уже после того, как он перестал дышать.

– От чего же он тогда умер? – спросил Хайд.

Джозефу Беллу помешало ответить донесшееся из вестибюля эхо – там громко хлопнула входная дверь.

– А, должно быть, это мой ассистент, – обрадовался он. – Как там принято говорить в театрах? «Просьба соблюдать тишину, представление начинается». Доктор Бёрр располагает подробными результатами первоначальной экспертизы тела и сможет ответить на ваши вопросы.

В озерцо света ступила молодая женщина с большим кожаным саквояжем в руках. «Должно быть, медсестра», – решил Хайд и взглянул поверх ее плеча в поисках ассистента доктора Белла. Но женщина пришла одна.

– Позвольте представить вам доктора Келли Бёрр, – широко улыбнулся Белл. – Доктор Бёрр, а это капитан Эдвард Хайд, в прошлом офицер Индийской армии¹¹, ныне суперинтендент сыскного отделения полиции города Эдинбурга. У него много вопросов, а у нас должны быть ответы.

– Думаю, капитана Хайда лишил дара речи мой пол, – сказала доктор Бёрр, и Хайду почудилось, что он услышал легкий ирландский акцент.

– Вовсе нет, – возразил он, но тут же поправился: – То есть да, если честно. Женщину-врача не так уж часто встретишь, и я невольно поддался стереотипам.

¹¹ Индийская армия – официальное название армии Британской Индии, принятое в конце XIX – 1-й половине XX века.

Доктор Бёрр улыбнулась, но не слишком приветливо, и принялась снимать шляпку, припиленную к причёске. Ее волосы, собранные в пучок на затылке, были цвета воронова крыла, а медовая кожа – на тон темнее, чем допускала современная мода, подумалось Хайду. Келли Бёрр обладала неоспоримой красотой, в которой было что-то смутно экзотическое, и он сразу почувствовал в ней некую незащищённость очень умной женщины, чьи внешность и пол мешают окружающим воспринимать ее интеллект всерьёз.

– Спасибо за откровенность, капитан Хайд, – сказала она. – Мой выбор профессии свидетельствует о том, что мне знакома вся гамма чувств, которые люди демонстрируют при встрече со мной – от изумления и замешательства до презрения и открытой враждебности. А что бы сказали вы о женщине, решившей стать врачом?

– Честно? Никогда об этом не задумывался. Но теперь, когда вы спросили, могу сказать, что не вижу в вашем выборе ничего зазорного. Для меня важно, что доктор Белл вам определенно доверяет, а снискать его доверие – изрядное достижение для любого врача, независимо от пола.

– Отлично сказано! – Белл в очередной раз широко улыбнулся. – Позвольте заверить вас, Хайд, что присутствующая здесь доктор Бёрр стоит в ряду самых способных и преданных своему делу представителей нашей профессии среди известных мне. В тот же ряд я ставлю молодого Конана Дойла и Сэмюэла Портеуса, который, если не ошибаюсь, является вашим близким другом. Я ценю тех, кто ценит знания. А доктору Бёрр приходится сражаться отчаяннее, чем кому-либо другому, чтобы их приобрести.

Доктор Бёрр положила на приставной столик свои перчатки, шляпку и пальто. На правой руке у нее Хайд заметил перстень – крупный, с изумрудами, сапфирами и странным узором, показавшимся ему знакомым. Она сняла перстень, аккуратно положила его рядом с перчатками и облачилась в защитный белый фартук, который скрыл ее одежду от шеи до пола. Белизна фартука подчеркнула золотистый оттенок ее кожи, и Хайд заподозрил, что среди ее предков есть представители далеких от Ирландии народов.

Женщина-врач тем временем решительно шагнула к хирургическому столу, взялась одной рукой за плечо трупа, подняла его, поддерживая другой рукой снизу под затылок, и наклонила так, чтобы Хайду были видны шея и спина мертвеца. Все это она проделала быстрыми и уверенными движениями. Большая часть спины была багрово-черной от застоявшейся крови, но шея осталась бледной, лишь синеватая полоса шла по ней горизонтально под затылком, в месте соединения с черепом.

– Удар по шее? – спросил Хайд.

– Смертельная травма, капитан, которую вы искали. В результате перелома второго шейного позвонка был непоправимо поврежден спинной мозг, мгновенно последовали паралич всех конечностей и отказ респираторной функции. Остальные увечья, которые вы видите, а именно рассечение грудной клетки и удаление сердца, были произведены *post-mortem*¹². Но перелом позвонка произошел не от удара. Знаете, как еще называют этот специфический вид перелома?

Хайд нахмурился:

– «Перелом палача».

В его памяти возникла картинка из раннего утра: Хью Моррисон, молодой парень, совершенно сбитый с толку, стоит в белой комнате, смотрит прямо на него и хочет что-то сказать. Но слова так и не прозвучали.

– Совершенно верно. У него под челюстью ссадина – это фрикционный ожог от веревки, и могу побиться об заклад, что мы обнаружим передавленную трахею, когда вскроем гортань.

¹² После смерти (лат.)

– Стало быть, изначально его повесили? Я имею в виду – повесили правильным образом, за шею?

Келли Бёрр кивнула:

– Правильным. Но определенно без решения суда.

– Тогда зачем это все? – Хайд указал на изувеченный торс.

– Возможно, какой-то обряд?

Доктор Бёрр смотрела на него темными, волнующими глазами. Хайд привык, что люди стараются избегать его взгляда – их смущает его наружность, или служебное положение, или то и другое вместе. Встречались ему и женщины, которые его откровенно разглядывали, их словно будоражило, дразнило его присутствие, но Келли Бёрр просто смотрела на него – без каких-либо эмоций, низменных или иных.

– Думаете, это было ритуальное убийство? – уточнил он.

– По-моему, похоже, но подобные выводы вне моей компетенции. Мое дело – установить физическую причину смерти, основываясь на фактах, а не на умозрительных предположениях.

– Полно вам, доктор Бёрр! – добродушно воскликнул Белл. – Я учил вас куда большему. – Он обвел рукой сцену. – Непреодолимые обстоятельства привели нас в эти странные декорации, но в каком-то смысле они созвучны нашей задаче. – Врач посмотрел сверху вниз на труп, застывший на хирургическом столе. – Эти останки и есть истинный театр, театр из плоти и крови. Сюжет трагедии сокрыт в костях мертвеца, в его крови и мягких тканях. Мы зрители драматического спектакля, который разыгрывается в нем, и мы же толкователи увиденного. Хорошие зрители должны быть наделены воображением. Так и патологоанатом – хороший патологоанатом – сначала наблюдает с медицинской беспристрастностью, собирает доказательства, находит физические причины смерти, но затем его – или ее – воображение, опираясь на профессиональный опыт, интерпретирует, экстраполирует и вычленяет суть трагедии, невидимую глазу. Прошу вас, доктор Бёрр, поведайте нам о репертуаре этого театра из костей и плоти.

Доктор Бёрр уложила труп обратно на хирургический стол и подняла его руку. Кисть мертвеца, как и спина, была багрово-синюшной от посмертно стекшей крови, но предплечье осталось разительно белым, и на этом меловом фоне четко выделялись неровные, песочного цвета пятна.

– Солнечный кератоз, – пояснила она, указав на эти пятна. – Явление довольно распространенное у таких светлых блондинов, но крайне редкое в столь молодом возрасте. Могу предположить, что он много времени провел под солнцем, которое припекало куда яростнее, чем здесь, в Шотландии, но это было довольно давно, поскольку сильный загар успел сойти.

– Вот видите! – восхитился доктор Белл.

– Стало быть, он какое-то время прожил за пределами островов, – кивнул Хайд. – Но мы пока что понятия не имеем, что привело его в жаркие края. Многие молодые люди пользуются благами, которые сулят им колониальные земли. Этот человек мог быть кем угодно – матросом торговой флотилии, инженером, солдатом... Дальше нам остается только строить предположения, пустые догадки.

– Это будут научно обоснованные предположения, дорогой капитан, – подбодрил его доктор Белл, – и догадки, подкрепленные фактами. Они, по меньшей мере, укажут вам, в каком направлении проводить расследование. Однако у доктора Бёрр есть и другие открытия в запасе.

Женщина-врач положила руку покойника на стол так, чтобы можно было осмотреть его бок. На грудной клетке стал виден бледный, вдавленный, идеально прямой рубец, словно там пролегла не до конца разгладившаяся морщина.

– Наш друг уже встречался со смертельной опасностью ранее в своей жизни, и в тот раз ему повезло больше, – сказала доктор Бёрр. – Несколько лет назад его задела пуля крупного калибра. На шестом ребре едва прощупывается сросшийся перелом там, где пуля повредила кость. Попади она на пару дюймов левее, и ранение могло бы оказаться фатальным.

Хайд хотел что-то сказать, но доктор Бёрр вскинула ладонь:

– Есть кое-что еще...

Капитан покосился на Белла – тот сиял от гордости за достижения своей протее.

– Было еще одно ранение, – продолжала она. – И тоже довольно давнее – шрам старый. Но это уже колотая, проникающая рана, нанесенная широким клинком. Учитывая возраст покойника, могу сказать, что оба ранения – и пулей, и холодным оружием – он получил в один период жизни, и было это сравнительно давно.

– Похоже, юность у него была боевая, – заметил доктор Белл. – Возможно, в буквальном смысле.

– Думаете, он когда-то был солдатом или оставался им до самой смерти? – нахмурился Хайд.

– Сыщик у нас тут вы, но сдается мне, специфика его старых ранений позволяет сделать именно такой вывод.

Хайд молчал. У него вдруг поплыло перед глазами. Запах смерти, яркое освещение на сцене, пурпурная тьма в пустом зрительном зале театра – все слилось, вызвав головокружение. В горле запершило – подступала тошнота. Он узнал симптомы приближавшегося приступа.

– Вы останетесь до конца аутопсии? – спросила Келли Бёрр. – Мы можем узнать гораздо больше, когда произведем вскрытие... – она посмотрела на разверстую рану в груди мертвого человека, – более основательно.

Хайд на секунду задумался. Патологоанатомические исследования он находил делом неприятным, мерзостным. Ему почему-то не удавалось отделить мертвую плоть на столе от личности, от сознания, которое в ней угасло. К тому же ощутимо усиливалось предчувствие надвигавшегося припадка. Но что-то в деле повешенного человека его тревожило, не давало покоя, и надо было узнать о нем как можно больше и как можно скорее. Поэтому Хайд кивнул.

– Тогда предлагаю вам занять лучшее местечко в заведении, – сказал Белл и кивнул в сторону пустых кресел в зрительном зале. – Мы будем докладывать вам о своих открытиях по ходу дела.

Хайду показалось, что на лице женщины-врача мелькнула улыбка, и на этот раз явно потеплевшая. Он спустился со сцены, сел в первом ряду и пристроил шляпу с пальто на соседнем сиденье. Невероятно странно, нереально, чудно было ощущать себя зрителем в этом багровом полумраке, в декоре театра цвета крови и костей, наблюдать за методичным препарированием человеческого тела, происходящим на подмостках.

Удары сердца гулко отдавались в висках, тупая боль набирала силу где-то за правым глазом, ощущение нереальности нарастало неуклонно. Хайд, испугавшись, что приступ вот-вот его накроет и он соскользнет с этого и так уже причудливого уровня реальности на более глубокий, подложный, мнимый, быстро достал из жилетного кармана завернутые в бумажку пилюли, полученные от Портеуса, и закинул одну под язык.

– Пожалуйста, начинайте, – сказал он с вялой улыбкой.

Затем Эдвард Хайд, прислушиваясь к себе в ожидании, что симптомы отступят, обвел театр взглядом и устремил его на прекрасную черноволосую женщину, которая, стоя на сцене, принялась срезать скальпелем с черепа мертвого мужчины лицо.

Глава 6

– Я сплю, – сказал Хайд.

– Спишь, спишь, – прозвучал голос у него за плечом. – Ты же почувствовал симптомы еще в театре. Теперь тебя догнал приступ.

– Я в своей кровати.

– Ты здесь. Это твоя реальность.

– Куда я иду?

– Тебе нужно вернуться в белую комнату. Сам же знаешь. Когда разберешься со всем остальным, ты должен будешь вернуться в белую комнату и вспомнить истину, которую забыл.

Хайд резко обернулся во сне, снова услышав тот пронзительный скорбный вопль.

– Банши... – пробормотал он.

– Ты должен еще раз побывать в белой комнате, – опять прозвучал голос за плечом. – Но сначала тебе предстоит узнать кое-что еще.

Хайд видел чужой сон.

Как всегда, он знал, что спит; как всегда, сон выстраивал для него мир совершенно невозможный и тем не менее настолько же реальный в ощущениях, настолько же правдоподобный, как и тот, в котором он жил, бодрствуя. Во сне этот мир разворачивался прямо перед ним, как будто обретал форму, только когда Хайд смотрел в определенном направлении.

Он шел по буйной зелени; вокруг, куда бы он ни посмотрел, из земли, словно повинувшись его взгляду, вырастали изумрудные леса, под ногами мягко пружинили сочные, густые травы.

Впереди он видел ее. Хайд смотрел на девушку в отдалении, но не различал лица – та всегда оставалась к нему спиной; ее блестящие черные волосы переливались на слабом ветерке, гулявшем по этому колдовскому миру.

А дальше Хайд вдруг продолжил видеть сон ее глазами – перенесся в женское тело, разом обретя все эмоции и ощущения, которые испытывала в тот момент она. Его потрясла легкость этого нового тела, простота и грация движений. Он больше не ощущал вес собственной тяжелой, массивной плоти. Чувство свободы накатило опьяняющей волной.

– Это отнюдь не редкое явление, – раздался позади другой голос.

Хайд обернулся вместе с девушкой и увидел Сэмюэла Портеуса, стоявшего у него за плечом. Доктор был очень занят – пытался удержать на весу огромную стопку книг в кожаных переплетах, на корешках которых были немецкие и латинские названия. Аюбой шаг в сторону грозил лавинообразным обвалом всей библиотеки.

– Я уже объяснял вам раньше, на одном из сеансов. Если эпилептический припадок случается во время сна, сознание спящего зачастую переносится в чужое тело. Мы пока не понимаем, почему.

– Где находится это место? – спросил Хайд и снова испытал потрясение – на сей раз его удивили звонкость и мелодичность женского голоса, который озвучил его слова.

– По ту сторону, – сказал Портеус. – В иномирье безграничных возможностей. Для того чтобы передвигаться по этой земле, нужны не мускульные, а ментальные усилия.

Хайд оглядел окрестности всех оттенков зеленого. Земля эта была ему знакома, но она пробуждала в нем зов крови, а не память о виденном ранее. Он стоял на опушке леса, у истока реки, впереди плавно расширялась горная долина, и хребты по обеим сторонам ее расходились в стороны, как руки, как раскрытые объятия перед серебрищимся вдали морем, куда впадала река. Горы и долина густо поросли лесом – это было совсем не похоже на ландшафты Шотландии или Ирландии. Не похоже, и в то же время узнаваемо, будто то же самое тело облачилось в покровы былых времен.

– Но где это иномирье? – Хайд повернулся к Портеусу, однако врач уже исчез, а сам он обрел прежние облик и голос. Девушка, чьими глазами он смотрел мгновение назад, снова была далеко впереди – спускалась в долину, и ее вот-вот должны были поглотить буйные изумрудные заросли. Хайд бросился за ней, но, хотя он бежал, а девушка даже не ускорила шаг, расстояние между ними никак не сокращалось.

Внезапно Хайд очутился в лесу, хотя точно не мог одолеть дистанцию до опушки за такой короткий срок. Он понял, что снова перенесся в тело девушки. Сразу возникло непривычное стеснение в груди и в горле. Хайд распознал это чувство как страх, но такого сильного страха сам он никогда прежде не ведал. Еще удивительнее было испытывать леденящий ужас в чудесном лесу – густом, но не настолько, чтобы дневное светило не смогло пробиться сквозь кроны и раскидать солнечных зайчиков по подлеску. Слева от девушки в лучах света серебрилась река – именно там и обнаружился источник ее панического страха. Голый мужчина висел вверх ногами на толстой ветке; его голова тонула в реке, грудь была рассечена, ребра разошлись в стороны, и Хайд видел глубокую дыру, в которой отсутствовало сердце. Тот самый труп, найденный им над рекой Лейт, каким-то образом перенесся в волшебные пределы его сна.

– Не надо бояться, – попытался он сказать девушке, но эти слова сорвались с ее уст.

А потом вдруг повешенный задергался, заизвивался, и речное течение было тут ни при чем – странная ажитация охватила все мертвое тело изнутри. Раздался тошнотворный хруст – руки вывернулись в локтевых суставах, а позвоночник изогнулся немыслимым образом назад. Голова вынырнула из реки, с волос брызгами полетела вода, шея чудовищно перекрутилась. Мертвые глаза на почерневшем от прилившей крови лице поймали взгляд Хайда, и тот почувствовал, как девушка чуть не задохнулась от ужаса.

– Зачем ты пришел сюда за ответами? – В глотке мертвеца с каждым словом что-то хлопотало и потрескивало, словно сама смерть добавила полутонов его голосу. – Неужто не видишь то, что у тебя под носом?

– Не понимаю... – сказал Хайд голосом девушки.

– Нам всем нужны ритуалы, – прозвучал еще один голос справа от него. Он повернулся – вернее, повернулась девушка – и увидел, что место Портеуса заняла коренастая, зловещая в темном костюме фигура Аберкромби, полицейского врача. – Повешение – такой же религиозный ритуал, как и любой другой, – повторил Аберкромби свои слова, произнесенные в белой комнате. – Это жертвоприношение с благой целью...

– Да хуже того, – раздался новый голос слева, и Хайд, обернувшись, обнаружил там рабочего с мельницы на реке Лейт, который был на месте преступления. – Его убили трижды. Повесили, выпотрошили, утопили. И кому только в голову взбрело сотворить такое с человеком?

– Нам всем нужны ритуалы, – повторил Аберкромби, но когда Хайд снова повернулся к нему, его уже не было.

Очередной шквал треска и хруста снова привлек внимание Хайда к болтавшемуся над рекой повешенному. Тело, поднимаясь, выгнулось еще больше грудью вперед, почти сложилось пополам на уровне поясницы, бледная кожа натянулась и затрещала, как бумага, кости захрустели, выламываясь наружу. Из лопнувшего живота выпростались влажными, лоснящимися кольцами кишки и немелодично плюхнулись в реку. Руки трупа вскинулись вверх и назад; он подтянулся повыше, хватаясь за собственные ноги, перебирая по ним руками, как по канатам. Теперь мертвец, уродливо искореженный, болтался, как плетеная корзинка: ноги по-прежнему были перевернуты пятками вверх, голова и торс приняли вертикальное положение. Он расхохотался, и звук этого хохота был омерзителен.

– Ты и так уже знал! – констатировал мертвец. – Меня повесили, выпотрошили, утопили. Убили трижды. Нам всем нужны ритуалы.

– Тройственная смерть, – пробормотал Хайд голосом девушки. – Кельтский ритуал жертвоприношения.

– Ритуал древних, – подтвердил труп. – А дерево, на котором я вишу, – это, между прочим, вяз.

– Вяз связывает мир живых с иномирьем... – вспомнил Хайд.

– Говорю же тебе, – фыркнул мертвец, – ты уже и так знал все ответы.

– Но что тогда привело меня к тебе той ночью? – спросил Хайд голосом девушки. – Как я здесь оказался?

Труп не ответил – вместо этого он вдруг распрямился, как шезлонг, и снова повис вниз головой. Мнимая искра жизни, приводившая его в движение, угасла так же быстро, как и разгорелась.

– Погоди! – воскликнул Хайд, но его сознание уже покинуло тело девушки, а в собственное еще не вернулось. Мир вокруг вдруг вспенился и запузырился, повергнув капитана в замешательство, а когда он понял, что находится теперь в теле повешенного и голова его ушла под воду, хотел закричать, но в мертвых легких не было воздуха.

Хайд проснулся.

Он сидел на кровати и пытался вдохнуть. Ему это удалось, и он еще несколько мгновений приходил в себя, собирался с мыслями, вглядываясь в тени своей спальни, прислушиваясь к отдаленному стуку лошадиных подков и обитых железом колес по булыжной мостовой, рассматривая геометрические узоры, вычерченные на полу спальни лунным светом, пробивавшимся в щели между занавесками на окне. Дрожащими пальцами ощупал лицо, могучие руки и плечи, убеждая себя, что окончательно вернулся в собственное тело.

И, только вполне удостоверившись, что он пребывает в реальном мире и бодрствует, Хайд встал с кровати, подошел к секретеру и, пока сон, вызванный ночным припадком, не улетучился из памяти, принялся записывать свои видения в блокнот.

Глава 7

Одно из последствий ночных галлюцинаторных приступов заключалось в том, что Хайд из-за них лишался как нормальной продолжительности, так и качества сна. Это означало, что весь следующий день он, как правило, проводил на ватных ногах и с туманом в голове, в котором медленно ворочались обрывки мыслей. Подобное состояние усугублялось странной отрешенностью – его одолевало чувство нереальности происходящего и разрыва с миром яви. В такие дни действительность казалась Хайду иллюзорной, фальшивой, словно он провалился на другой уровень сновидений.

Порой сны полностью изглаживались из его памяти, оставляя лишь смутные впечатления, как будто на горизонте бодрствующего сознания висели едва заметные перышки от пропавших и растворившихся в небе облаков. Но иногда причудливые картинки из ночных кошмаров сами собой всплывали перед мысленным взором, поразительно яркие и живые.

Время от времени Хайд даже сомневался в истинном существовании мира вокруг него – он видел предметы и людей или вспоминал об увиденном и не мог с уверенностью сказать, происходило ли это на самом деле, или ему опять пригрезились призраки, наколдованные его искаленным припадками разумом.

Однажды Портеус уже растолковывал ему природу таких побочных эффектов – мол, это называется послеприпадочное состояние, и обычно оно длится несколько минут, максимум час, но в редких случаях, как у Хайда, может затягиваться после эпилептических приступов и на весь день.

Хайду казалось, что Портеус вполне компетентен в предоставляемых ему разъяснениях по поводу недуга, а вот с лечением дело у него обстоит хуже. Капитан принимал прописанные Портеусом препараты – микстуру и пилюли – уже полгода, и никаких улучшений самочувствия не наблюдал. Наоборот – он мог бы поклясться, что его симптомы, особенно провалы в памяти, проявлялись чаще и стали более продолжительными. Однако когда он делился своими сомнениями с Портеусом, тот лишь вносил незначительные изменения в состав микстуры, от которой по-прежнему не было никакого толка.

В ожидании действенного лекарства Хайд всеми силами старался скрывать свое ментальное расстройство – прежде всего ту самую заторможенность и помутнение сознания после ночных припадков – от подчиненных и начальства. Оставалось надеяться, что, если кто-то заметит его апатию и рассеянность, все будет списано на бурную ночь и похмелье. При этом Хайд понимал, что такое объяснение все же не слишком правдоподобно, ибо он успел заслужить в полиции города Эдинбурга неколебимую репутацию трезвенника.

Сейчас, готовясь начать рабочий день, Хайд никак не мог выбросить из головы эпизоды вызванного припадком бредового сна. Лишь один образ остался в памяти темным пятном – истаял полностью, но не давал покоя, как зуд, который невозможно унять. Хайд отчетливо видел девушку во сне, его сознание пребывало в ее теле, облик ее был знаком ему в мельчайших подробностях. Но теперь, как ни старался, он не мог вспомнить ее лицо.

Зато другие образы из сна являли себя во всех деталях, и, помимо прочего, капитан не забыл о сделанном во сне открытии относительно самой сути убийства повешенного над рекой человека. Эдвард Хайд вырос на легендах о кельтском мире сверхъестественного – их рассказывала на ночь родная мать. Легенды в ее интерпретации составили основу богатого полотна, которое соткалось в детском сознании, а затем, когда повзрослевший Хайд увлекся изучением этой темы, узоры на полотне дополнились новыми деталями. Так почему же он, человек, прекрасно знакомый с кельтскими легендами и обычаями, лишь во сне разобрался, что к чему? Почему лишь в бреду припадка ему открылась связь между повешенным с реки Лейт и древним обрядом тройственной смерти?

Эта мысль растревожила его и одновременно утешила. Возможно, Сэмюэл Портеус был прав, когда предположил, что его потерянные воспоминания надо искать в том же потустороннем царстве, в иномирье, куда переносят его сознание ночные приступы.

Маккинли, констебль-кучер, как обычно, встретил Хайда у дома и отвез в участок. Как часто бывает в Эдинбурге, утро выдалось безрадостно ясным. Ледяной ветер, летевший со стороны реки Форт, полосовал воздух, подобно хирургическому скальпелю, отсекая всякое тепло от солнечных лучей. Утренний дым из тысячи каминных труб тянулся вверх, будто гигантские руки в серых перчатках растопырили над городом свинцово-дымные пальцы, норовя проткнуть небо; в просветы между ними лезли бескомпромиссно яркие потоки света, вычерчивая силуэты закопченных зданий. В результате весь город казался творением художника, рисунком, выполненным углем, и это лишь усиливало у Хайда ощущение нереальности.

Впрочем, и в лучшие времена Эдинбург казался ему фантастическим местом, плодом воображения – здесь георгианская симметрия и умеренность Нового города вели незримую борьбу со средневековым хаосом Старого в тени Замковой скалы, Колтонского холма и Артура Трона – трех титанических вулканов былых времен, давно потухших и тысячелетия назад превращенных в призрачные обрубки ледником толщиной в милю.

Люди в этих краях обитали около девяти тысяч лет, говорили на разных языках, вели различный образ жизни и век за веком, слой за слоем вносили своеобразные черты в облик города, участвуя в создании его противоречивой индивидуальности. В смутные, населенные отголосками видений дни, которые следовали за ночными припадками, Хайда часто охватывало странное чувство, будто он видит эти призрачные пласты, состоящие из чужих жизней, различает незримые следы тех, кто был здесь до него. Разумеется, он знал, что это всего лишь игра воображения, вызванная неврологическим расстройством. Для Хайда это ощущение было похоже на запах свежести после дождя. Как будто гроза, отгремевшая в его спящем разуме, оставила напоминание о себе в эдинбургском воздухе.

Полицейский участок, в котором работал Хайд, находился на западной окраине Нового города, на Торфикенской площади. Для случайного прохожего здание это ничем не отличалось от соседних: обычный георгианский таунхаус, городской дом ленточной застройки, с тремя этажами над одним цокольным, полуподвальным. Распознать его можно было лишь по вывеске с надписью белыми буквами, гласившей, что здесь находится полицейский участок. Вывеска красовалась на двери главного входа, а над ней висел газовый фонарь синего стекла. Здесь Хайд руководил сыскным отделением, которое занималось расследованием уголовных преступлений и состояло из двенадцати детективов, пяти констеблей и дежурного сержанта. Внутри здание отличалось от остальных наличием четырех камер в подвале с толстыми каменными стенами, где задержанные ждали вызова на допрос.

Поездка в полицейской карете от дома Хайда до участка обычно занимала не более десяти минут, а летом он доходил туда пешком за полчаса. Но в этот день возникло препятствие.

– Электрификация, сэр, – пояснил Маккинли с козел, обернувшись и взглянув на капитана сквозь узкое окошко. – Половину улицы Принцев перекопали. По мне, так не к добру все это. Подумать только – свет по проводам...

– Это прогресс, констебль Маккинли, – отозвался Хайд. – Электрическая заря нового века, который у нас уже не за горами. Боюсь, мы никак не сможем ему воспрепятствовать.

Вскоре им снова пришлось остановиться там, где часть мостовой была разобрана и остался лишь узкий проезд, по которому мог проскользнуть единовременно только один экипаж. Румяный ирландский землекоп бодро регулировал дорожное движение, размахивая красным флажком. Издалека, и всего лишь на секунду, Хайду показалось, что он смотрит на Хью Моррисона – рабочий был похож на него фигурой и цветом лица.

Из другого окна полицейской кареты капитан увидел стайку из четырех детишек на мостовой – они заглядывали в свежевыкопанную траншею и, тесно столпившись, что-то обсуждали, увлеченно строя детские козни. Пятый ребенок держался в стороне, словно был не с ними. Хайд пригляделся, и его ошеломило чувство узнавания, хотя было ясно, что это не может быть то дитя, о котором он подумал. Девочка лет восьми – слишком маленькая, чтобы играть на улице без присмотра, – стояла в замызанной бедняцкой одежде; неестественно бледное лицо было перепачкано землей и глиной, как будто она только что вылезла из вырытой на дороге ямы. Она перевела на Хайда взгляд огромных зеленых глаз, а затем медленно и печально покачала головой, словно с немим укором.

Полицейская карета, кренясь, подалась вперед, и Хайд крикнул Маккинли в окошко, чтобы подождал. Но когда капитан обернулся, девочки у траншеи уже не было, остались только четверо других детей, чье внимание теперь переключилось на карету.

– Все в порядке, Маккинли, я просто подумал, что... – Капитан замолчал, тряхнул головой и вздохнул. – Ерунда, поехали в участок.

Хайд рассчитывал, что ему удастся хоть немного побыть одному в кабинете и привести мысли в порядок – требовалось время, чтобы выбросить из головы ту маленькую девочку, которая непостижимым образом напомнила ему другую. Однако в участке капитана уже поджидали два офицера, всегда выполнявшие обязанности его заместителей.

Детектив-сержант Питер Маккендлесс, добродушный парень тридцати четырех лет, выглядевший из-за редящих волос старше своего возраста, протянул Хайду темно-желтую папку:

– Рапорт доктора Аберкромби о внешнем осмотре трупа и полный отчет о результатах вскрытия от доктора Бёрр и доктора Белла, сэр.

– Спасибо, Питер, – кивнул Хайд.

– Но все, что нужно знать об этом деле, вы можете почерпнуть отсюда... – Маккендлесс вручил капитану газету.

На первой полосе «Эдинбургского комментатора» красовался набранный крупным шрифтом заголовок:

**Эдинбургский комментатор
Повешенный из Дина:
РИТУАЛЬНОЕ ВЕДЬМОВСКОЕ УБИЙСТВО ИЛИ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕМНОЙ ГИЛЬДИИ?**

– Быстро они, однако, – вздохнул Хайд и вернул газету Маккендлессу. – Я уж как-нибудь обойдусь без репортерских домыслов про Темную гильдию. – Он сел за свой стол, положил папку на промокашку и раскрыл ее, кивком велев детектив-сержантам Маккендлессу и Демпстеру сесть напротив. Все то же эдинбургское солнце, безрадостное и холодное, делило каби-

нет на резко очерченные участки тени и яркого света, так что Хайд боролся с искушением потереть глаза.

Пока он читал документы, Маккендлесс и Демпстер, привыкшие к дотошности начальника, дисциплинированно молчали в ожидании, когда он закончит знакомиться с медицинскими выкладками. Большую часть из того, что было написано в отчете о вскрытии доктором Бёрр, Хайд уже слышал от нее самой. Единственным сюрпризом стало заключение, полученное из лаборатории Королевского госпиталя: анализ содержимого желудка показал, что повешенный над рекой Лейт человек ел зерно и грибы не далее как за полчаса до смерти – пища не успела полностью перевариться.

Было также зафиксировано необычное вещество в крови жертвы. Анализ крови врачи начали делать не так давно, в общей практике полиции он еще не прижился, и коллеги Хайда этому новшеству дружно не доверяли. Однако в этом деле капитана интересовали любые зацепки. Он отметил для себя в блокноте, что нужно по этому поводу проконсультироваться с доктором Беллом, затем зачеркнул фамилию Белл – поскольку главным автором отчета о вскрытии была доктор Бёрр, к ней и следовало обратиться за разъяснениями.

– От главного констебля¹³ прислали срочное извещение, сэр, – сказал Маккендлесс, когда Хайд закрыл папку. – Он просит вас подъехать к нему на Парламентскую площадь сегодня к десяти утра. – Сержант упомянул адрес штаб-квартиры Эдинбургской полиции.

– По какому поводу, там, вероятно, не сказано?

– Нет, сэр.

Хайд взглянул на второго подчиненного:

– Сходите сегодня в городскую библиотеку, мне нужны эти книги. – Он протянул лист бумаги с перечнем из десяти названий, написанных разборчивым почерком, детектив-сержанту Уильяму Демпстеру, строгого вида темноволосому мужчине лет сорока.

Всегда серьезный и основательный, Демпстер озадаченно нахмурился, прочитав список:

– Мифология, сэр?

– Сделайте, как я сказал, Уильям.

Демпстера все всегда звали Уилли. Все, за исключением Хайда, который неизменно обращался к нему «сержант Демпстер», либо «Уильям», если требовалось придать обращению доверительности.

– Тут может быть связь с убитым на реке Лейт, – пояснил капитан.

– Правда? Его что, заколдовали келпи? – хмыкнул Маккендлесс, покосившись на Демпстера, но тот, по обыкновению, сохранял невозмутимость.

Хайд не в первый раз отметил различия между двумя сыщиками. Они были полными противоположностями, но каким-то образом ухитрялись работать в паре весьма продуктивно, а вне участка даже водили дружбу.

– Книги будут доставлены к вашему возвращению из главного управления, сэр, – сказал Демпстер.

Хайд взглянул на Маккендлесса:

– Для вас у меня тоже есть поручение, детектив-сержант.

– Сэр? – кивнул Маккендлесс, все еще посмеиваясь над собственной шуткой.

– Найдите мне хорошего фотографа.

¹³ Главный констебль – в Великобритании начальник полиции.

Глава 8

Что-то темное тенью колыхалось во сне.

Сон был чужим. Сон снился другому разуму, и оно, темное, чувствовало этот иной океан сознания, черную толщу в тысячи сажений, тяготеющую над ним.

Оно жаждало преодолеть это огромное расстояние и вернуться на поверхность, к свету и воздуху обитаемого мира, но пока что, уподобившись чудовищу-левиафану, оставалось в головокружительных глубинах, мечтая о свободе. Оно знало, что там, на поверхности. Прежде оно множество раз поднималось туда, вырывалось на волю, подчиняя себе ту, другую личность, а потом снова погружалось и тонуло во тьме.

Поначалу время его пребывания на свету было ограниченным, коротким и сладостным. Но с каждым возвращением туда оно становилось сильнее, дольше задерживалось в мире, воплощало свои зловещие замыслы. А однажды оно особенно славно провело время на свету, полновластнее, чем раньше, завладев телом, которое ему приходилось делить с забывчивым другим сознанием.

В то славное время оно сумело осуществить свою волю, и воля его осуществилась посредством убийства: оно погасило свет в одном существе и расчистило себе дорогу к дальнейшим славным свершениям. И, кстати, оно нашло удовольствие в том убийстве.

После этого оно вернулось во мрак, вновь затаилось в глубинах чужого сознания. А та, другая, личность продолжила идти по миру вместо него, озадаченная собственной забывчивостью, но все еще пребывающая в неведении о существовании тени внутри себя.

Однако темное уже набрало силу. Его эскапады на свет, в мир, участились и стали более продолжительными.

Скоро, очень скоро оно снова будет способно тенью просочиться на солнечную сторону.

Глава 9

Роберт Джон Макгрегор Ринтул никогда в жизни не патрулировал улицы и ни разу не произвел самолично ни одного ареста.

Род Ринтулов вел свое происхождение от фэйфширских крестьян, которые в очень удачный момент истории перестали возделывать землю и заглянули в ее недра. Молодая «Каменноугольная компания Ринтулов», можно сказать, по чистой случайности оказалась одной из главных кормилиц ненасытного монстра, которым в ту пору только разродилась Шотландия. Обжористого младенца звали Промышленная революция.

Быстро подраставшие и вечно жадные до угля, целые семейства литейных мастерских, фабрик, верфей и железнодорожных депо постоянно требовали пищи в виде топлива, чтобы сами они могли кормить всю империю своей продукцией.

Вдоль Центрального пояса Шотландии¹⁴ возникали, как грибы, поселки, даже города, формируясь вокруг шахт Ринтулов; их населяли семьи шахтеров, и все необходимое для своих повседневных нужд они вынуждены были приобретать в магазинах той же компании. Деньги рекой текли в карманы, но карманы эти принадлежали не тем, кто трудился до седьмого пота, а порой и умирал глубоко под землей.

Роберт Джон Макгрегор Ринтул, принадлежавший к четвертому поколению рода, в плане образования и общественного статуса ушел далеко вверх по социальной лестнице от своих скромных предков. Он не унаследовал от отца положения во главе семейного предприятия, поскольку оно перешло к его старшему и более способному в деловых вопросах брату, однако получил солидный пакет акций компании и внушительный личный доход. Многие из того, за что другим людям приходится сражаться всю жизнь, досталось Роберту Ринтулу безо всяких усилий.

В свои пятьдесят семь Ринтул выглядел вполне заурядно. Этот высокий, худощавый, лысеющий джентльмен, как и Хайд, когда-то был армейским офицером, но, в отличие от Хайда, ни разу за время своей службы не получал повышения за воинскую доблесть. До кардвелловских реформ¹⁵ и запрета на покупку должностей в Британской армии отец приобрел ему начальный чин майора за четыре тысячи фунтов, а следующее денежное вливание позволило Роберту стать подполковником.

Насколько было известно Хайду, Ринтул никогда не участвовал в серьезных боях. После отставки семейные связи обеспечили ему назначение на пост, который он занимал и поныне, не обладая для этого должной квалификацией, как и в военном деле. Так что теперь Роберт Джон Макгрегор Ринтул, главный констебль Эдинбургской полиции, командовал городскими патрульными офицерами и детективами. Послужной список, а вернее, отсутствие такового ставило его в ряд людей, которых Хайд ненавидел, ибо покупка должностей и, как следствие, никудышное командование были причиной величайших катастроф в военной истории Великобритании. Хайд испытал это на собственной шкуре в Индии, и, учитывая бэкграунд Роберта Ринтула, у него не имелось ни малейших оснований верить в то, что в мирное время на полицейской службе этот человек сумеет стать более достойным командиром.

Но Ринтул сумел.

Так уж вышло, что пост начальника полиции идеально подошел Ринтулу. Несмотря на все привилегии, доставшиеся ему от рождения, в этом джентльмене не было ни претенциоз-

¹⁴ Центральный пояс Шотландии – наиболее густонаселенная территория этой части Великобритании, включающая города Эдинбург, Глазго, Фолкерк с окрестностями, историческую область Лотиан, графства Айршир и Файф.

¹⁵ Эдвард Кардвелл (1813–1886) – английский адвокат и государственный деятель, статс-секретарь по военным вопросам в кабинете премьер-министра Уильяма Гладстона, автор законопроекта о реорганизации Британской армии 1871 года.

ности, ни надменности. При первой встрече с ним Хайд даже заметил, что Ринтул испытывает неловкость от того, с какой легкостью ему удастся делать карьеру и шагать по жизни. Он не стремился быть полицейским и не обладал никакими навыками для того, чтобы вести расследования, однако оказался весьма способным управленцем и внимательно слушал подчиненных, обладавших опытом и знаниями, которых ему не доставало.

Так или иначе, Хайд отбросил предрассудки – ведь если хорошенько подумать, решил он, то и у него самого в подчинении наверняка имелись такие, кто был недоволен, что человек с его прошлым и с его социальным положением руководит более опытными офицерами.

Хайд уже возглавлял сыскное отделение в Эдинбурге, когда Ринтула назначили главным констеблем, и, вопреки всякой предвзятости, капитан вскоре обнаружил, что новый начальник вызывает у него уважение, даже симпатию. Ринтул с самого начала ясно дал понять, что готов предоставить Хайду и его сыщикам полную самостоятельность при условии, что они будут исправно докладывать о своих расследованиях в главное управление на Парламентской площади и советоваться по громким делам. При этом начальник полиции вовсе не собирался тем самым откеститься от своих обязанностей – Хайд был удивлен его усердием и педантичностью в исполнении административного долга. Просто Ринтул понимал разницу между контролем и прямым вмешательством, ускользавшую от его предшественника на этом посту.

Несмотря на взаимное почтение и доверительные рабочие отношения, Хайд знал, что, учитывая приверженность Ринтула соблюдению правил и норм, ни в коем случае нельзя делиться с начальством подробностями своего недуга. Поэтому известие о том, что главный констебль желает видеть его у себя утром после ночного припадка, повергло капитана в легкий трепет.

Кабинет главного констебля находился на верхнем этаже штаб-квартиры Эдинбургской полиции в Старом городе. Окна его выходили на Парламентскую площадь – это тоже был один из призрачных пластов Эдинбурга, здесь обитал фантом национального самоопределения. В домах на этой площади до Акта об унии¹⁶ располагалось правительство Шотландии, заседавшее главным образом в Зале парламента, теперь же все ведомства растворились в многочисленных зданиях, построенных позднее.

Ринтул по обыкновению тепло поприветствовал Хайда, но, едва предложив ему сесть, перешел к делу.

– Это очень скверная история, Эдвард, – с нажимом произнес начальник полиции. – Я говорю об убийстве в Дине. Есть какие-нибудь результаты расследования?

– Слишком мало времени прошло, сэр, – сказал Хайд. – Но я согласен, это весьма необычное убийство, и оно внушает беспокойство. Как вам известно, большинство преступлений, с которыми нам приходится иметь дело, совершаются в определенной среде – это сведение счетов между уголовниками, пьяные драки со смертельным исходом или домашнее насилие. Но тут... – Он пожал массивными плечами. – Тут у нас нечто совершенно иное.

– Именно это мне и не нравится. В городе и так неспокойно, народ пребывает в волнении, и, как вы понимаете, дело легко может обернуться массовой истерией. Полагаю, вы видели заголовки в «Эдинбургском комментаторе»?

¹⁶ Акт об унии – договор между Англией и Шотландией о создании единого Королевства Великобритания, заключенный в 1706–1707 годах.

– Видел, сэр. Никто из тех, у кого есть хоть капля здравого смысла, не поверит, что это убийство – злодеяние современных ведьм или мифической Темной гильдии, возглавляемой призраком декана Броуди.

– Если вы думаете, что среди эдинбургской черни много таких, у кого есть хоть капля здравого смысла, вы льстите этому городу. Безотносительно к дичайшим спекуляциям «Комментатора» люди уже болтают о маньяке-человекоубийце, который бродит по нашим улицам. Что скажете? Это, по вашему мнению, может быть делом рук маньяка? Нам что, следует ждать новых причудливых убийств? – Ринтул задавал вопросы с таким видом, будто ждал, что Хайд ответит отрицательно.

– По моему мнению, это может быть делом рук нескольких человек, – произнес Хайд и по глазам Ринтула понял, что ответ его не успокоил. – Маньяков или кого бы то ни было. Судя по всему, жертву убили где-то в другом месте, а затем труп принесли к реке Лейт и повесили за ноги на дереве. Физические усилия, необходимые для таких манипуляций, указывают на участие в деле более одного человека. И, по крайней мере, в этом смысле «Комментатор» не ошибся.

– Значит, убийц было несколько?

– Несколько человек действовали заодно, чтобы доставить тело туда, где оно было найдено. Сколько из них участвовали непосредственно в акте убийства, определить невозможно. И пока что, боюсь, мне нечего к этому добавить. Более всего меня тревожит подозрение, что во всем этом деле есть элемент символизма. Нам еще предстоит установить личность убитого, и если выяснится, что он принадлежит к преступному миру, тогда символизм может оказаться простым: это послание от одной банды другой, страшное и омерзительное предупреждение о чем-то.

Эта гипотеза, похоже, немного утешила Ринтула, поэтому Хайд решил, что не стоит пока рассказывать ему о содержимом желудка повешенного. Делать выводы относительно того, насколько важна в этом деле предсмертная трапеза жертвы, состоявшая из зерна и грибов, и важна ли она вообще, все равно пока было рано.

– Вы меня вызвали для того, чтобы поговорить об убийстве в Дине? – спросил он главного констебля.

– Да... но не только. – Ринтул достал из ящика стола и положил перед собой папку с бумагами. – Я получил странный запрос, Эдвард. Скорее даже просьбу. И меня тревожит не столько суть этой просьбы, сколько ее источник. Я не люблю, когда кто-то вмешивается в полицейские дела города. Особенно если этот кто-то работает в Скотленд-Ярде.

– И какие же у Скотленд-Ярда могут быть интересы в Эдинбурге? – спросил Хайд.

– Запрос поступил от суперинтендента Уильяма Мелвилла из Особого ирландского отделения. Это самое Особое ирландское отделение чаще называют просто Особым, поскольку оно наделено обширными полномочиями по расследованию крамолы, заговоров, деятельности анархистов и прочих бунтарей, норовящих дестабилизировать империю.

– Подозрительно похоже на тайную полицию. – Хайд поморщился.

– Может, и так, может, и так, – пробормотал Ринтул. – В любом случае мы должны серьезно отнестись к этому запросу. Мелвилл – а помнится мне, он сам ирландец и раньше возглавлял Королевскую ирландскую полицейскую службу по уголовному сыску в Дублине, – большой специалист по охоте на членов «Фенианского братства»¹⁷ их разномастных последователей, ирландских националистов и прочих анархистов. – Ринтул развернул папку и подтолк-

¹⁷ «Фенианское братство» – тайное общество ирландских революционеров-республиканцев, основанное в США в 1858 году Джоном О'Махоном и Майклом Доэни; американская ветвь «Ирландского республиканского братства» (ИРБ), имевшего целью свержение британского владычества. В 1870-х годах переродилось в организацию «Клан-на-Гэль». Изначально названо было в честь легендарной дружины воинов-фениев под предводительством Финна Маккула, героя кельтских мифов III века. Фениями также называли себя члены ИРБ и «Клан-на-Гэль».

нул ее к Хайду по столу. – Меня просят предоставить ему все имеющиеся у нас сведения о Джейкобе Макниле Маккендрике.

– О Коббе Маккендрике? – Хайд нахмурился. – О художнике? Это же тот, который пишет портреты для высшего общества?

– А также слывет ярым шотландским националистом, – добавил Ринтул. – Думаю, суперинтендента Мелвилла больше интересует политическая деятельность Маккендрика, нежели его достижения в изящных искусствах. Так или иначе, правда заключается в том, что у нас на Маккендрика ничего нет. Не было повода составлять на него досье – он не совершал правонарушений сам и никого не подбивал на совершение таковых. Он также никогда не призывал к вооруженному восстанию в Шотландии и не выступал публично в поддержку ирландских мятежников. С местными властями он, впрочем, тоже дружбы не водит. Маккендрик весьма эксцентричен в своих политических, интеллектуальных и социальных взглядах, да и в личном общении тоже, насколько я слышал, но мне совершенно непонятно, почему им мог заинтересоваться Скотленд-Ярд.

Хайд кивнул:

– Я тоже мало что знаю о Маккендрике, сэр, и все мои знания ограничиваются его творчеством. На мой взгляд, он наделен изрядным художественным талантом.

– Видимо, Особое отделение таким образом реагирует на беспокойные настроения, вспыхнувшие в обществе, а может, по каким-то своим резонам пытается эту искру раздуть. Прошлогодние чудовищные убийства в парке «Феникс» в Дублине¹⁸ фенианские бомбометания повсюду, включая январские взрывы в Глазго... Неудивительно, что с тех пор властям за каждым кустом мерещатся члены «Клан-на-Гэль» и «Ирландского республиканского братства».

– Но, как вы сказали, сэр, Маккендрик – шотландский националист, а не ирландский, и он никогда не высказывался в поддержку фениев.

– Думаю, правящие круги боятся, что освободительное движение, подобное ирландскому, поднимется и в Шотландии. У нас здесь нет особых отделений, Эдвард. Мысль о политической полиции претит мне так же, как и вам, но у империи много врагов, и подобные расследования из-за них – насущная необходимость. Боюсь, в Эдинбурге это бремя может упасть на вас.

– Вы хотите, чтобы я сунул нос в дела Кобба Маккендрика?

– Я бы не назвал это так. Пожалуй, точнее будет сказать: я хочу, чтобы вы навели о нем справки. Все, что мне нужно, – это убедить Мелвилла в том, что мы тут не потеряли нюх и не закрываем глаза на потенциальных политических смутьянов, находящихся в нашей юрисдикции. Я имею в виду, что нам надо поскорее от него отделаться, не более того, Эдвард. У вас сейчас много дел поважнее, в том числе недавнее убийство, так что, возможно, вы поручите Маккендрика кому-нибудь из своих офицеров?

Хайд кивнул:

– Да, сэр.

Разобравшись с одним вопросом, Ринтул сразу перешел к следующему.

– Вы, надо полагать, присутствовали на казни Хью Моррисона, – сказал он. – Приговор, вынесенный ему, все еще вызывает у вас сомнения?

– Честно признаться, мои сомнения так и не разрешились, – отозвался Хайд. – Я не то чтобы твердо убежден в невиновности Моррисона, но и не уверен в его вине. Боюсь, мы все же могли совершить ошибку. А когда речь идет о смертной казни, цена ошибки – невинная жизнь.

¹⁸ Имеется в виду теракт 6 мая 1882 года, совершенный членами радикальной группировки «Ирландского республиканского братства» под названием «Непобедимые». В тот день террористы зарезали в дублинском общественном парке «Феникс» Томаса Генри Берка, постоянного секретаря ирландского правительства, и Фредерика Кавендиша, главного секретаря лорд-лейтенанта Ирландии.

– Мне казалось, этот парень был буйнопомешанным. Разве не так? Он же кричал, что девочку убила какая-то мифическая дикая собака...

– Он не был буйнопомешанным, сэр, он впал в отчаяние. Вы же знаете, я умею распознавать ложь и чувствую, когда за лицемерным отрицанием вины скрывается истинное злодеяние. Но в случае с Моррисоном... Могу поклясться, он ничего не знал о том, как убивали Мэри Пейтон. А зверь, про которого он твердил, – это всего лишь первое пришедшее ему в голову объяснение чудовищного преступления, собственное участие в котором он так неистово опровергал. Думаю, тот черный пес из преисподней, на которого он ссылался, – всего лишь гэльская метафора мирового зла, но в силу своего скудоумия бедолага понимал ее буквально. – Хайд вздохнул.

– Да-да, – покивал Ринтул, – я все это уже слышал от вас во вторник. Вы сказали, мифический пес называется по-гэльски *cù dubh ifrinn*.

– В самом деле? – Хайд нахмурился.

– Знаете, что я думаю о казусе Моррисона? – продолжал Ринтул. – По-моему, нет смысла тратить силы прямо сейчас на продолжение расследования, раз правосудие формально свершилось и горожане этим фактом удовлетворены. Сейчас все ваше внимание должно быть сосредоточено на убийстве в Дине. Я был готов предоставить вам некоторые полномочия для дальнейших следственных действий по делу Мэри Пейтон, когда мы беседовали с вами во вторник, но, как я понимаю, ваша встреча в тот вечер ничего нового не принесла, верно? Да еще и событие на реке Лейт вас, видимо, отвлекло.

Хайд почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он абсолютно ничего не помнил ни о беседе с Ринтулом про Моррисона два дня назад, ни о своих планах на вечер того вторника. Он понятия не имел, с кем должен был встретиться.

– Прошу прощения, сэр, вы упомянули о моей встрече...

– Ну да, вечером, когда произошло убийство, вы с кем-то встречались. – Ринтул озадаченно нахмурился. – В тот день вы сказали мне, что нашли зацепку, которая, вероятно, поможет нам больше узнать о деле Моррисона. Что-то не так, Эдвард? Вы что, запомнили, о чем тогда шла речь?

– Конечно нет, сэр. Прошу прощения. – Хайд изо всех сил пытался сосредоточиться. Перед ним маячил след, который мог привести его к ответу на вопрос, где он был непосредственно перед тем, как очнулся на берегу реки Лейт. Но воспользоваться возможностью выяснить истину означало подвергнуть себя опасности – продолжая расспросы, можно было выдать тайну о своих провалах в памяти Ринтулу, который и так уже заметил, что он пребывает в странном замешательстве, и озабоченно на него поглядывал.

– Значит, никакого толка?

– Сэр?..

– Я о вашей встрече в деревне Дин, Эдвард. О причине, по которой вы оказались в окрестностях реки Лейт, где и нашли повешенного. Та женщина, с которой вы тогда встречались, хоть чем-то помогла?

Хайд молчал несколько секунд, стараясь собраться с мыслями. Затем он сделал глубокий вдох и спокойно произнес:

– Нет, главный констебль. Боюсь, что нет. Не могу припомнить ничего такого, что могло бы нам помочь.

Глава 10

С Парламентской площади Хайд вернулся в свой кабинет в участке и все усилия сосредоточил на том, чтобы вспомнить предыдущий разговор с главным констеблем, на который тот ссылался в сегодняшней беседе.

Разговор с Ринтулом, понятное дело, имел место в тот самый день, когда у Хайда случился провал в памяти, и, как выяснилось, перед припадком он поделился с начальником своими планами на вечер. До чего же досадно было знать, что Ринтулу известно, почему он, Хайд, той же ночью очутился в окрестностях реки Лейт, и не иметь возможности напрямую попросить его рассказать об этом подробнее, ведь тогда у начальника полиции неизбежно возникли бы подозрения и вопросы, на которые Хайд не сумел бы дать внятных ответов.

Все усилия оказались тщетными – как ни старался капитан изгнать тьму из собственной памяти, ни один фрагмент того важного разговора так и не выплыл на свет.

В ежедневнике тоже не было никаких намеков на то, куда он собирался в тот вечер. Хайд уже проверил раньше и записную книжку, и служебный журнал в участке, и корреспонденцию. Отсутствие каких бы то ни было записей на эту тему его удивило. Он знал, что многие его подчиненные держат имена своих информаторов в тайне, но сам, как человек методичный, старался уловить хаос, порождаемый его недугом, в сеть тщательного документирования всего и вся. Это было чрезвычайно важно именно на случай провалов в памяти, когда приходилось восстанавливать события потерянного времени. Подробные отчеты о прошедших днях обычно позволяли ему воссоздать хотя бы часть утраченных воспоминаний.

Однако страница в личном дневнике, отведенная под вторую половину дня вторника, тоже была чиста и пуста, как и его память.

В такие вот моменты Хайд особенно остро чувствовал свою отчужденность – он доверял и Демпстеру, и Маккендлессу, особенно последнему, но знал, что никогда не откроет ни одному из них свою тайну о том, что порой он выпадает из реальности на несколько часов и не может в такие периоды отвечать за свои действия.

От Роберта Ринтула ему, по крайней мере, удалось услышать малую толику того, что он сам говорил, и главное – узнать место встречи, на которую он собирался, а встреча должна была состояться в деревне Дин. Это его отчасти успокоило, ибо доказывало, что в тех краях он оказался ночью с определенной целью, и цель эта была никак не связана с произошедшим тогда преступлением, на месте которого он позднее оказался.

Совпадение, однако, было странное и до сих пор его тревожило.

Он расспросил Маккинли. Констебль-кучер заявил, что не отвозил его в тот вечер в Дин. Мол, Хайд сказал, что карета ему до конца рабочего дня не понадобится, и дежурный сержант в участке тотчас отрядил Маккинли возить коробки, набитые документами и уликами, с Торфиденской площади на Парламентскую. По виду Маккинли нельзя было сказать, что вопросы капитана его насторожили или обеспокоили, и Хайд подумал, что, возможно, он зря боится вызвать подозрения у коллег просьбами напомнить ему о событиях прошедших дней. В конце концов, память иногда подводит всех без исключения.

Размышления Хайда прервали стук в дверь кабинета и вторжение Демпстера, который сообщил, что пришла некая леди и желает видеть капитана.

– Говорит, она врач, – добавил Демпстер с откровенным скептицизмом.

– Значит, так и есть, сержант Демпстер, – отозвался Хайд. – На самом деле это доктор Бёрр, чье заключение о вскрытии вы недавно читали.

– Патологоанатом? – Скептицизм Демпстера обернулся недоумением.

– Она ассистент доктора Белла.

– Я думал, его ассистент и секретарь – доктор Конан Дойл.

– Доктор Конан Дойл решил заняться частной практикой и переехал в Англию, – сказал Хайд. – Теперь доктору Беллу при случае помогает доктор Бёрр. И должен вас заверить, она не менее компетентна в криминалистической экспертизе, чем сам доктор Белл, и способна делать весьма полезные выводы. К примеру, она сообщила нам много такого, что может пролить свет на прошлое жертвы. Пожалуйста, пригласите ее войти.

Когда Келли Бёрр переступила порог кабинета, Хайд в очередной раз поразился ее красоте. Девушка была в черной юбке и приталенном жакете новомодного покроя с высоким воротником; блестящие черные волосы были собраны в пучок, спрятанный под шляпкой. В ее внешности, в золотистом оттенке кожи лица было нечто такое, отчего в тусклом, ахроматическом свете Эдинбурга она казалась созданием, пришедшим из другого мира. И присутствие ее здесь почему-то действовало на Хайда успокаивающе.

Он предложил гостье сесть и выпить с ним чая. От чая она отказалась.

– А вдруг чай окажется вполне приличным? – усмехнулся Хайд. – Возможно, раньше вам с чаем в полицейских участках просто не везло.

– Я проходила мимо и подумала, что надо бы заглянуть к вам на всякий случай – вдруг у вас есть вопросы касательно моего отчета о вскрытии, – деловито сказала она, проигнорировав шутку.

– И вы были совершенно правы, – кивнул Хайд. – Я и сам собирался связаться с вами, поскольку вопросы у меня действительно есть. Вы сэкономили мне время.

Она улыбнулась, и на сей раз ее улыбка, так же как тон и вся манера держаться, снова была отстраненной, почти холодной. Хайд догадывался, что Келли Бёрр, женщина в мужской профессиональной сфере, научилась подавлять любые намеки на женственность и симпатию к собеседнику в своем поведении.

В конце концов, прошло всего тринадцать лет со времен бунта в Хирургическом зале¹⁹, откуда так называемую эдинбургскую семерку – семь девушек, первых студентов женского пола в Британии, пришедших на экзамен по анатомии, – изгнали с позором сокурсники-мужчины, и последовавшего в Эдинбурге взрыва общественного возмущения от того, что женщинам могут предоставить доступ к профессии врача. Но женщины добились-таки своего, вопреки усилиям эдинбургского медицинского истеблишмента под предводительством сэра Роберта Кристисона, желавшего отрезать им все пути, но преуспевшего лишь в том, чтобы их ограничить. Те женщины-врачи, которым удавалось получить надлежащее образование, вынуждены были заниматься исключительно гинекологией и акушерством. Ни один мужчина не подверг бы себя столь унижительному, как было заявлено, действию – осмотру у женщины-врача.

Возможно, думал Хайд, именно поэтому Келли Бёрр стала патологоанатомом: у мертвых мужчин не было возможности выразить свой протест.

Нынешний визит этой девушки стал для капитана приятным сюрпризом, хотя он отлично понимал, что ее сюда привело на самом деле: доктор Бёрр хотела, чтобы все вопросы по отчету о вскрытии были адресованы ей, а не ее начальству.

– Так какие же у вас вопросы, капитан Хайд? – Она снова устремила на него прямой взгляд, смущавший и приводивший в замешательство.

– Меня удивило наличие лабораторных анализов. Я, признаться, не понимаю, почему они важны, но ведь вы бы не включили их в отчет, если б не считали таковыми, верно?

– Я внимательно слежу за развитием новой отрасли медицинской науки – фармакологии, – сказала доктор Бёрр. – Разумеется, мне бы хотелось заниматься ее углубленным изучением, но вы, возможно, не знаете, что жалкой горстке женщин-врачей в Шотландии зачастую приходится получать по крайней мере часть медицинского образования в зарубежных университетах.

¹⁹ Хирургический зал (Сёрдженс-Холл) – штаб-квартира Королевского колледжа хирургов Эдинбурга.

– Боюсь, не знал.

– Так или иначе, лично мне повезло – подвернулась okazия пройти краткий курс фармакологии у доктора Освальда Шмидеберга в Страсбургском университете. Вы слышали о докторе Шмидеберге, капитан Хайд?

– Боюсь, не слышал.

– Доктор Шмидеберг – пионер в области фармакологических исследований. За время своего пребывания в Страсбурге я прочла его новаторский труд «Очерки по фармакологии». Одно из его первых исследований связано с выделением хлороформа из крови и измерением его количества. Пятнадцать лет назад доктор Шмидеберг сделал другое открытие: он доказал, что воздействие мускарина на сердце сравнимо с эффектом гальванической стимуляции блуждающего нерва.

– Доктор, боюсь, я не... – начал было Хайд, но Келли Бёрр нетерпеливо вскинула ладонь, требуя тишины, что заставило его улыбнуться – он привык к тому, что люди робеют в его присутствии, но этой молодой женщине, похоже, робость была незнакома.

– Мускарину часто сопутствует другое вещество, капитан Хайд, оно называется мусцимол. Я провела химический анализ, разработанный Шмидебергом, и обнаружила следы обоих веществ – мускарина и мусцимола – в крови убитого мужчины.

– Его отравили? – Улыбка Хайда мгновенно исчезла.

– В некотором смысле. Мускарин и мусцимол действительно очень ядовиты, и присутствуют они в некоторых специфических видах семейства мухоморовых.

– Содержимое желудка... – понял наконец Хайд.

Келли Бёрр кивнула:

– Да, содержимое желудка. Мускарин и мусцимол в больших количествах содержит гриб под названием *Amanita muscaria*, более известный как мухомор красный. Процесс приготовления мухоморов – как правило, их варят – смягчает ядовитые свойства, не влияя на прочие. Вы читали книгу ирландского писателя Оливера Голдсмита «Гражданин мира»?²⁰

Хайд покачал головой.

– В ней упоминается преотвратный обычай, существующий в некоторых частях света, пить мочу того, кто съел мухоморы. Это менее приятный способ снизить токсичность. – Келли Бёрр опять поймала собеседника на острие прямого, откровенного взгляда, будто бросала вызов – мол, не оскорбила ли вас моя нескромность, капитан? Но Хайда занимали другие мысли.

– А какие еще свойства у мухоморов? – спросил он. – Что за эффект они производят?

– Известно, что мускарин или мусцимол, а может, оба эти вещества в совокупности, психоактивны, то есть воздействуют на мозг, изменяя восприятие и сознание. Употребление мухоморов в пищу дает состояние эйфории, чувство, что у вас прибавилось физической силы, но главное – мухоморы вызывают мощные, яркие видения. В примитивных культурах зелье из мухоморов использовалось и продолжает использоваться как энтеоген – субстанция, применяемая колдунами-знахарями и шаманами в магических обрядах для перехода на другие уровни сознания и позволяющая общаться с духами, с призраками умерших к примеру, или открывающая иные миры, альтернативную реальность. На самом-то деле такие субстанции всего лишь влияют на химические реакции в мозге, что становится причиной бреда и галлюцинаций. Ничего мистического в них нет.

²⁰ «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» – социально-бытовые сатирические очерки, написанные в 1762 году Оливером Голдсмитом (1728–1774), недоучившимся врачом, позднее ставшим известным британским прозаиком, поэтом и драматургом.

Несколько мгновений Хайд обдумывал услышанное от доктора Бёрр, стараясь не отвлекаться на мысль о том, что сам он не нуждается в подобных «субстанциях», чтобы попасть в альтернативную реальность, – ту же услугу ему исправно оказывает эпилепсия.

– Но какое отношение это имеет к нашей жертве? – произнес он наконец. – Я сомневаюсь, что человека в Эдинбурге отравил какой-нибудь африканский дикарь – знахарь, колдун или кто бы он там ни был.

Келли Бёрр заулыбалась, и в этой прекрасной улыбке было что-то такое, что Хайду не понравилось.

– Боюсь, вы впали во грех высокомерия, капитан Хайд. Британский снобизм как он есть. Мы считаем, что наше общество – вершина цивилизации, что британское расовое и культурное превосходство, наша свобода от первобытных инстинктов ставят нас во главе четверти обитаемого мира. Но правда заключается в том, что у народов Британии куда более прозаичная, жестокая и варварская история, чем нам хотелось бы думать. Шаманами и знахарями, которые используют в описанных мною целях ядовитые вещества, были наши кельтские предки. И наши сказки, наши народные обычаи вовсе не так уж невинны, как мы привыкли считать. Сейчас вошла в моду так называемая сказочная живопись²¹. Страницы сборников сказок, которые британцы читают на ночь детям, пестрят иллюстрациями с образами фей, эльфов, ирландских лепреконов. А вспомните-ка, капитан Хайд, на чем обычно изображают этих волшебных существ?

– На жабьих тронах, – ответил Хайд, прежде чем осознал смысл своего ответа.

– На красных жабьих тронах в белый горошек, чаще всего, – уточнила Келли Бёрр. – А «жабьими тронами» называют ядовитые грибы. Ядовитые красные грибы с белыми пятнами, описанные в кельтских легендах и воплощенные в сказочной живописи, это и есть мухоморы. И появление их там вполне обоснованно – наши предки использовали мухоморы, чтобы открыть врата в кельтский мир сверхъестественного, заглянуть в другую вселенную. У кельтов это был ключ к магическим снам. Поверьте, капитан Хайд, если бы вы объелись мухоморами, тоже увидели бы лепреконов.

Хайд кивнул, испытывая неловкость, – его снова посетила мысль о том, что он не нуждается в галлюциногенах, чтобы заглядывать в другие вселенные.

– Вас это взволновало, я вижу, капитан Хайд?

– Это соответствует моей гипотезе.

– О, неужели?

– Соотносится со способом убийства. Очень похоже на то, что повешенный над Лейтом принял тройственную смерть. Это древний кельтский ритуал человеческого жертвоприношения. Жертву повесили, утопили и вырвали ей сердце. Более того, кельты всегда при проведении соответствующего обряда вешали жертву вниз головой. Это такая же древняя практика, как сами кельтские племена, и она нашла воплощение в других мифологиях – скандинавский бог Один повис вниз головой на мировом древе Иггдрасиль, что означает «виселица Игга», то есть Одина, чтобы приблизиться к смерти и обрести знание рун. В колоде Таро есть карта с изображением повешенного, и тоже вниз головой.

– А вы сведущи в фольклоре, капитан Хайд. От полицейского я такого не ожидала. – Келли Бёрр улыбнулась, на этот раз так тепло, что для Хайда словно осветилась вся комната.

– Это для меня что-то вроде увлечения, – с внезапным смущением пояснил он. – С детских лет. Особенно кельтская мифология. Не знаю, почему эта мысль о тройственной смерти не пришла мне в голову сразу, как только я увидел труп. Он висел на вьязе над проточной водой

²¹ Викторианская сказочная живопись – художественное направление в живописи Великобритании 2-й половины XIX века, основанное на изображении персонажей и сюжетов из легенд Британских островов.

– и то и другое у древних символизировало связь между миром живых и миром сверхъестественного, с иномирьем. Но о значении жабьих тронов я раньше не знал.

– Стало быть, вы думаете, что у этого убийства есть некая оккультная составляющая? – спросила доктор Бёрр.

– Во время вскрытия вы сами сказали, что в смерти этого человека есть что-то обрядовое. А наш город переполнен безумными суевериями – здесь на каждом углу теософы, герметики, спириты, оккультисты, религиозные фанатики...

Келли Бёрр кивнула:

– Понимаю вас. Меня бесконечно удивляет тот факт, что в наш просвещенный век научных открытий люди по-прежнему цепляются за суеверия. Я могу понять, почему эти мистические заблуждения были так широко распространены до того, как наука предоставила рациональные объяснения многим явлениям природы. Но сейчас... Сейчас мы живем в эпоху беспрецедентного развития наук, и тем не менее мода на оккультные штучки цветет пышным цветом. Как будто чем ярче зарево науки, тем чернее тени мракобесия. – Она встала и взмахнула рукой. – Что ж, надеюсь, я была вам полезна. И если я могу помочь чем-то еще, капитан Хайд, говорите, не стесняйтесь.

Хайд подумал немного и кивнул:

– Честно признаться, я полагаю, что можете...

Глава 11

Он чувствовал, что этот дом ждал именно его – или что они с домом ждали друг друга. Дом был расположен в месте, которое погрязло в темных веках истории и темных легендах. А он, человек, погряз в темных деяниях и темных замыслах. Поэтому он и явился сюда, к этому дому.

«Круннах» стоял далеко за чертой города. Аедник, накрывавший эти края десять тысяч лет назад, по своей прихоти выдавил низину с углублением в форме чаши в лотианской²² земле, и дом стоял в косматых призрачных зарослях, среди бузины и ясеней, темным стражем на приземистом друмлине²³, что набух у кромки низины, как кровоподтек на губе.

В своем современном обличье дом под названием «Круннах» высился здесь с начала XVIII столетия, но веками до него на том же месте существовали и другие постройки. Поговаривали, друмлинов, на котором его возвели, был останками укрепленного поселения каменного века.

Безотносительно к природе «Круннах» и особенностям его истории, о том, что люди в здешних краях жили с незапамятных времен, свидетельствовало присутствие в чашеобразной впадине большого, вертикально торчащего из земли камня, смутно напоминающего по форме мужскую фигуру. Менгир этот местные называли Феардорхом, то есть Темным Человеком, и был он украшен полуизглаженными временем чашевидными петроглифами. Менгир составлял около семи с половиной футов в высоту и имел неровную форму – основание вдвое шире верхушки. Некая сила с первобытной яростью вырвала этот кусок из материнской породы и сделала посередине обломка выступ, стесав над ним камень так, что получилась выемка. От этого казалось, что каменный человек держит в руках блюдо, словно совершает подношение. Трещина с рваными, выветренными краями пересекала выступ сверху вниз, подобно сточной канавке. Все это было произведением стихий, чистейшей геологической случайностью, но и «блюдо», и вся поверхность менгира несли на себе выбитый в камне рукотворный доисторический орнамент в виде концентрических кругов и спиралей, а легенда гласила, что с незапамятных времен Темный Человек был средоточием зла былого и грядущего, ибо древние совершали здесь жертвоприношения, и канавка на выступе-блюде служила кровостоком.

Но не все зло, связанное с этим местом, имело первобытную природу, варварские отголоски которой затерялись в веках. Второй холм на противоположной стороне низины, в точности напротив первого друмлинов, на котором стоял дом, был увенчан раскидистым, скособоленным, старым-престарым тисом, растопырившим в небо узловатые пальцы-ветви. О дереве этом ходили слухи, что когда-то оно было висельным.

Холм под тисом местные называли Ведьминым бугром. Старожилы рассказывали, что в начале XVII века впадина, где стоял Темный Человек, была местом настолько уединенным и далеким от людских поселений, что сюда собирались на шабаш ведьмы со всех низинных земель Шотландии. Некоторые полагали даже, что название дома – «Круннах» – происходит от гэльского слова, обозначающего место для собраний, *áite cruinneachaidh*; другие же утверждали, что оно указывает на положение дома, венчающего холм, и, соответственно, означает «венец, корона», то есть *crún*, или *crunnach*. А иные верили, что дом назван в честь божества *Crom Dubh* — Кром Ду, Черного Кривого из шотландских мифов, который требовал человеческих жертв и чей образ якобы воплощен в черном менгире, прозванном Темным Человеком.

Что бы ни означало название дома, оно стало синонимом величайшего зла.

²² Лотиан – историческая область в Шотландской низменности, где находится город Эдинбург.

²³ Друмлинов – низкий холм или насыпь овальной формы.

Согласно письменным источникам начала XVII века, здесь в ту пору творились богопротивные деяния немыслимого размаха. Темный Человек был свидетелем всех видов плотских и духовных грехопадений, каковые совершались в его тени, разраставшейся и трепетавшей среди ведьмовских костров. Канавка на выступе менгира, как утверждалось, вернула тогда себе бывшее назначение, снова служила своей легендарной цели – по ней рекой лилась кровь разнообразных жертв, включая человеческие. Ведьмы, судя по всему, чувствовали себя в полной безопасности, ибо никто их в низине не тревожил – дом на друмлине тогда пустовал, переживая один из многих своих периодов заброшенности.

Все это происходило в смутные времена Войн трех королевств²⁴ и однажды отряд солдат Кромвеля, вооруженных мушкетами и пуританской моралью, заночевал в пустом доме и стал свидетелем шабаша. Обуянные праведным гневом при виде того, как ведьмы укладывали похищенного младенца на алтарь Темного Человека, солдаты бросились в атаку и многих злодеек уложили на месте мушкетными пулями, тесаками и пиками. Остальных же без суда и следствия связали и заперли в заброшенном доме, а сами пошли складывать костры для казни на холме у противоположного края низины, отказав ведьмам в быстрой смерти, каковую те могли бы принять через повешение на ветвях старого тиса.

Хвороста, однако, много набрать не удалось – в окрестностях росли только кусты бузины и несколько ясеней, больше взять валежник было негде. Так что вязанки для костров оказались худосочными, и пришлось добавить к ним зеленых веток, нарубленных солдатами Кромвеля.

В итоге сожжение происходило на медленном огне. Говорят, три десятка ведьм тогда умерли в низине, и умирали они полночи.

Эта жестокая казнь породила еще одну легенду. О том, что скорбные завывания ветра, которые часто можно услышать в долине, где стоит «Круннах», – не что иное, как вопли терзаемых пламенем ведьм, то ли эхо реальных криков сведенных мучительной болью глоток, то ли стенания их душ, обреченных скитаться по долине в обличье банши.

С тех пор тот холм под тисом и называют Ведьминым бугром, а старый тис тоже получил прозвище – Древо Стенаний.

По всем этим причинам и по многим другим дом и его окрестности все обходили стороной. Поблизости не сохранилось ни больших деревень, ни крошечных деревушек, ни какого-либо человеческого жилья, а сам дом стоял пустым и ни разу не потревоженным уже почти пятнадцать лет.

Опять же по всем этим причинам и по многим другим «Круннах» наконец обрел нового хозяина. Этот человек искал для себя именно такое пристанище. Его темная, как ночной мрак, душа жаждала облечься именно в такую каменную плоть.

Уже почти стемнело, когда к дому подъехала карета. «Круннах», Древо Стенаний, менгир Темный Человек, изумрудно-зеленый ландшафт – все зловеще застыло под меркнувшими небесами.

Карета подкатила сюда одна, и была она пассажирская – грузчики заявили, что привезут мебель, только когда в дом кто-нибудь заселится, поэтому новый владелец прибыл первым, с единственным сопровождающим, который служил ему и кучером, и лакеем.

Означенный сопровождающий, спрыгнувший с облучка, ростом был меньше пяти футов – для гнома высоковат, но с этим народцем его роднило что-то особенное в телосложении и чертах лица: могучие плечи и руки, широко расставленные глаза на крупном лице, безгубый рот, похожий на длинный ровный порез между крючковатым носом и выступающим подбородком.

²⁴ Войны трех королевств – череда военных конфликтов и восстаний в Англии, Шотландии и Ирландии с 1639-го по 1651-й или, согласно некоторым источникам, по 1660 год.

Коротышка-слуга открыл дверцу кареты и выпустил хозяина, который ступил на землю и заулыбался, едва увидев проступающий в темноте неровный силуэт «Круннаха». Это был мужчина среднего роста, слишком крепко сложенный и чересчур безупречно одетый, для того чтобы в нем можно было заподозрить истинного джентльмена. Многие назвали бы его красавцем, если б не черная шелковая повязка поперек лица, скрывающая один глаз. Он снял шляпу, явив миру шевелюру цвета воронова крыла, и принялся оценивающе изучать единственным глазом здание, стоявшее перед ним.

«Круннах» замер, темный и безмолвный, встречая нового хозяина.

Имя хозяина было Фредерик Баллор.

Глава 12

Генри Данлоп оказался низеньким жилистым человечком лет пятидесяти, и низеньким он выглядел в основном потому, что ноги у него были колесом, отчего на ходу его качало из стороны в сторону. «Очевидно, в детстве плохо кормили», – мимоходом подумал Хайд. Однако по мере приближения Данлопа, шагавшего к нему по просторному холлу морга, капитану все больше казалось, что ноги у этого человечка выгнулись двумя дугами под тяжестью багажа, который он тащил с собой: с одной стороны под мышкой у него был опасно зажат большой прямоугольный деревянный ящик, той же рукой он держал пузатую козую сумку, а на другом плече нес связку каких-то палок, перехваченных кожаным ружейным ремнем.

Шаткость кривоногой походки Данлопа усугубляла стиснутая в губах небрежно скрученная тлеющая сигарка. Свободной руки, чтобы вытащить ее изо рта, у человечка не имелось, поэтому ему приходилось выгибать шею, щуриться и гримасничать, чтобы дым не попал в глаза. Даже издали было ясно, что Генри Данлоп не из тех, кто печется о своей внешности – невыраженная одежда болталась на нем мешком, а норфолкский пиджак был еще усыпан впереди табачным пеплом.

Доковыляв до того места, где в ожидании стояли Хайд и Келли Бёрр, Данлоп осторожно положил сумку, ящик и связку деревянных палок на полированный пол, оторвал от губы окурок, загасил его, пережав под горевшей частью большим и указательным пальцами, а остаток сигарки сунул за ухо. Хайд заметил, что его седеющие, цвета соли с перцем, волосы на виске около этого уха пожелтели от табака – очевидно, привычка была давняя.

– Мистер Данлоп? – уточнил капитан и протянул человечку руку.

Тот медлил с ответным рукопожатием, разглядывая лицо Хайда.

Хайд привык, что при первой встрече с ним люди сразу настораживаются, но в реакции Данлопа было что-то иное. Данлоп выглядел как человек, много повидавший и потому мало чему удивляющийся, и Хайда он рассматривал оценивающе, как будто соображал, какое место отвести этому полицейскому в системе своих обширных практических знаний о мире и о людях.

– Ага, я Данлоп, а вы, надо понимать, капитан Хайд.

– Верно. А это доктор Бёрр. Спасибо, что пришли.

– Не благодарите, – сухо отозвался человечек, – достаточно того, что вы оплачиваете мое время и ресурсы. – Он снова замолчал, слегка склонив голову, словно для того, чтобы изучить лицо Хайда в другом ракурсе. – Вы когда-нибудь фотографировались, капитан?

– Нет, – с некоторым смущением ответил тот.

– У вас очень занятое лицо, – проговорил Данлоп с каким-то рассеянным, отсутствующим видом, будто обращался не к Хайду. – Уникальное сочетание черт. Мне бы хотелось вас когда-нибудь сфотографировать, если позволите. Я фотографирую занятые лица. Занятых людей. – Он перевел взгляд на Келли Бёрр и принялся ее разглядывать с той же бесцеремонностью. – Решительно, вы оба станете прекрасными объектами съемки, с позволения сказать. Но вы, капитан Хайд, особенно перспективны – с вашим необыкновенным строением костей вы будете смотреться изумительно при определенном освещении. И чтоб вы знали, я это не ради денег, а ради искусства, ибо фотография для меня не только профессия, но и хобби, так что платы я с вас не возьму.

– Вам известно, зачем я вас сюда пригласил, мистер Данлоп? – спросил Хайд, проигнорировав предложение фотографа. На самом деле пылкий интерес человечка к его внешности изрядно смутил капитана.

– Известно, сержант Маккендлесс мне все объяснил. Где клиент?

Двое служителей морга – в рубашках с короткими рукавами, несмотря на холод в неотапливаемом помещении с каменными стенами, – ждали у двустворчатой двери в дальнем конце холла. Хайд кивнул им, они исчезли ненадолго за дверью и вернулись с тележкой на колесах. На тележке лежал труп повешенного человека с реки Лейт. Рана у него в груди была грубо зашита конским волосом, другие следы убийства, разложения и вскрытия на скорую руку замаскированы гримом. Нижнюю часть тела до талии скрывала простыня.

– Я в курсе, что вы, мистер Данлоп, давно фотографируете для нас заключенных. Но сегодня вам предстоит другая работа. Вашим клиентом будет неживой человек, – сказал Хайд.

– Ага, вижу. – Фотограф кивнул. – Но я к таким объектам уже привык.

– Неужели? – удивилась Келли Бёрр.

– Ага, еще как, – отозвался Данлоп. – Я сделал много фотопортретов покойников. Сейчас, чтоб вы знали, на них большой спрос. Особенно на фотографии мертвых детишек. Когда какой-нибудь малыш умирает от чахотки или от скарлатины, родители зовут меня запечатлеть его в кругу семьи. Живым приходится подолгу стоять и не шевелиться, пока экспонируется фотопластина, а для мертвых у меня есть специальные подпорки, которые позволяют их зафиксировать в любом положении. Покойники – мои самые терпеливые клиенты, чтоб вы знали, и никаких вам проблем с морганием в процессе экспозиции. – Данлоп осклабился, обнажив гнилые зубы; некоторые из них отсутствовали.

Ни Хайд, ни Келли Бёрр не улыбнулись в ответ, но фотографа, похоже, не огорчило, что его шутку не оценили. Он наклонился к потертой и грязной ковровой сумке и достал оттуда толстый альбом в богатом переплете из красной кожи. Странно было видеть столь изысканный предмет, появившийся из замызганной сумки. Данлоп открыл альбом, аккуратно развернув его корешком к себе, и принялся перелистывать страницы так, чтобы Хайду и Келли Бёрр было хорошо видно их содержимое. К каждому листу альбома прорезиненными уголками крепились фотографии, в том числе портретные, и Хайд вынужден был неохотно признать, что каждый из этих портретов – истинное произведение искусства. Все лица завораживали – Данлоп использовал свет так, чтобы подчеркнуть индивидуальность. Он листал альбом довольно быстро, пока не добрался до снимков, которые на первый взгляд показались Хайду обычными фотографиями детей и семейными портретами. С одного снимка простодушно смотрела девочка-подросток с длинными темными волосами, рассыпавшимися по плечам. Она сидела в кресле, сложив руки на книге, которая покоилась у нее на коленях поверх фартучка.

– Очаровательная девчушка, вы не находите? – сказал Данлоп.

– Она что... э-э... – начал Хайд.

Фотограф кивнул:

– Перенесенная в детстве скарлатина дала осложнения на сердце, и в возрасте четырнадцати лет инфлюэнца убила бедняжку. Родители сказали, их дочка обожала читать, поэтому здесь она запечатлена с книгой. Кажется, будто она сейчас откроет нужную страничку и продолжит чтение, да? А вот еще... – Он перевернул несколько листов и остановился на другом снимке: мальчик лет пяти-шести сидел на диване, прислонившись к спинке; маленькие ножки не доставали до края сиденья, руки сомкнулись вокруг мягкой игрушки-лошадки. Мальчик тоже смотрел в объектив, но в его глазах было что-то – возможно, так казалось из-за обмякших век и сгустившихся в глазницах теней, – что намекало на отсутствие в нем жизненной силы. Хайд решил, что его больше растрогал предыдущий фотопортрет с убедительно восстановленным подобием жизни.

– Странно, да? – сказал Данлоп. – Странно, что у нас сохраняется потребность окружать мертвецов предметами, сопровождавшими их при жизни. Наука подарила нам новшество – фотографию, но по сути такие снимки ничем не отличаются от древних погребений, куда наши предки клали вещи, которые были дороги покойнику на его земном пути.

– Отличаются, – возразила Келли Бёрр. – Погребальные предметы должны были служить умершему в ином мире. А ваши посмертные фотографии – это память и утешение для живых.

– Ну, может, и так, – пожал плечами Данлоп. – А может, на моих фотографиях как раз и запечатлен иной мир – место, где чьи-то любимые люди продолжают жить, оставаясь вечно молодыми. В любом случае, я дал вам возможность убедиться, что у меня налажены отношения с покойниками, так сказать, а значит, я сумею справиться с поставленной задачей. И позвольте вас заверить, доктор Бёрр, если вам или вашим коллегам понадобятся услуги фотографа, я без колебаний займусь фотосъемкой на любой хирургической операции. Я совершенно уверен, что фотография может оказаться весьма полезной штукой для медицины – к примеру, для фиксации всяких уродств, ведь снимок даст куда более четкое представление о чем угодно, чем словесное описание. Так что, если я вам понадоблюсь, доктор Бёрр, непременно дайте мне знать. – Он протянул девушке свою визитную карточку.

Келли кивнула и взяла карточку без комментариев. Хайд чувствовал ее неприязнь к фотографу, да и сам не мог подавить нараставшую антипатию к нему. Но Питер Маккендлесс заверил, что Данлоп имеет репутацию человека основательного и надежного и что это, возможно, лучший фотограф из тех, к кому обращалась полиция за помощью.

Данлоп расстегнул ремешок на связке палок, и выяснилось, что это ножки штатива, который он тотчас установил в изножье каталки с трупом. Деревянный ящик оказался складной камерой с фокусирующим мехом – «гармошка» из красной кожи соединяла объектив из латуни и красного дерева с отделением для пластин. Весь фотографический аппарат, в отличие от его владельца, блистал чистотой, как будто Данлоп отполировал стеклянную линзу, деревянные и латунные детали, а кожаный мех натер воском, перед тем как явиться с этой машинкой в морг. Из сумки он достал еще какие-то причиндалы. Она была сшита из восточного ковра, пурпурные и аквамариновые тона которого затерлись и потемнели от времени, но Хайд различил на нем повторяющийся орнамент из стилизованных изображений глаза.

– Поможем джентльмену усесться ровненько? – приступил к делу Данлоп.

Хайд кивнул двум служителям морга, те подняли труп за плечи, придав ему сидячее положение на каталке, и держали его так, пока Данлоп доставал из ковровой сумки металлические прутья, блестящие, будто совсем новенькие. С ловкостью человека, который не в первый раз совершает подобные манипуляции, он соорудил из прутьев нечто вроде пирамидального каркаса, увенчанного прочной рейкой с U-образным зажимом, и установил его за спиной покойника, закрепив шею в скобе.

– Отлично, – пробормотал Данлоп, – теперь нашему клиенту удобно.

Еще одну похожую конструкцию он водрузил сбоку и установил на ее верхушке большое зеркало, тоже извлеченное из ковровой сумки, так, чтобы в нем отражалась голова покойника.

– Это чтобы он попал в кадр сразу в профиль и анфас, – пояснил фотограф.

Затем он перенес камеру поближе к каталке, измерил лентой расстояние от объектива до безжизненного лица, настроил линзу и длину растяжки фокусирующего меха, положил палец на затвор и достал карманные часы. Затвор щелкнул – Хайд заметил, что фотограф принялся покачивать головой, будто отсчитывал секунды. Он повторил съемку, лишь слегка меняя начальные установки, еще три раза, используя разные пластины.

– Это для надежности – по крайней мере одна идеальная фотография будет обеспечена, – сказал он. – Да, я педант, и тем горжусь.

Покончив с фотографированием, Данлоп сложил камеру со штативом, затем попросил служителей морга поддержать мертвеца, пока он будет разбирать каркас. Когда он вытянул руку, чтобы освободить шею покойника из скобы, и запястье выпросталось из рукава пиджака, Хайд заметил на нем татуировку. Она была на виду всего мгновение, но капитану показалось, что рисунок состоит из трех соединенных спиралей.

Данлоп перехватил его взгляд, тоже покосился на свое запястье и улыбнулся неприятной щербатой улыбкой:

– Вижу, вы залюбовались моей наколкой, капитан Хайд. – Он вытянул руку и загнул манжет, чтобы Хайд ее получше рассмотрел.

Как полицейский и думал, там были три соединенные между собой спирали, и каждая спираль являла собой стилизованное изображение глаза.

– Это, можно сказать, моя торговая марка, – пояснил Данлоп. – Профессиональный и персональный символ. Я представляю себя оком, поскольку наделен особым видением – вижу события и предметы в мельчайших подробностях, не так, как другие. Мне даже кажется, что я вижу иной мир, который остальные не замечают.

– Что вы имеете в виду под «иным миром»? – спросила Келли Бёрр.

Данлоп пожал плечами:

– Вторую реальность, если хотите. Ее скрытые проявления. Удивительное дело, но глазок камеры сложнее обмануть, чем глаз человека. Фотография обнажает истинную природу личности – ту ее часть, которую каждый старается скрыть от окружающих. – Он одернул манжет, спрятав татуировку, и постучал пальцем по полированному красному дереву ящика, в который снова превратилась камера со сложенной «гармошкой». – С ее помощью я ловлю подобные моменты, и в результате все получают возможность видеть так же, как я, то бишь воспринимать места, лица, моменты времени во всей целостности и полноте, с такими деталями, которые иначе они бы упустили. Без этого изобретения мне бы тяжело пришлось – у меня нет таланта живописца, и кабы мне выпало родиться в прежние века, пришлось бы изыскивать способ перенести на бумагу или на холст то, что сейчас я могу запечатлеть с помощью искусства фотографии.

– Однако рисунок вашей татуировки... – сказал Хайд. – Это же трискелион, верно? Древний кельтский символ?

Данлоп снова пожал плечами:

– Тут уж я не в курсе. Мне достаточно того, что там изображены три глаза, и для меня они символизируют добавочное зрение, которое должно быть у фотографа. Что там этот знак еще обозначает, мне без разницы, у меня свое толкование. – Он выпрямился, насколько позволяли кривые ноги, и расправил плечи: – Итак, капитан Хайд, сколько вам нужно копий снимка покойного? Могу сделать сколько пожелаете, но это будет стоить денег, чтоб вы знали.

– Нужна как минимум дюжина, – ответил Хайд. – В идеале – двадцать.

– Значит, сделаю двадцать. Принесу их вам завтра же, но не раньше обеда. – Данлоп снова склонил голову набок, разглядывая Хайда. – И все-таки до чего же у вас интересное лицо. Пожалуйста, обдумайте мою просьбу насчет фотопортрета.

Глава 13

Элспет Локвуд изо всех сил старалась держать себя в руках и не поддаваться панике, но кучер заставлял ее нервничать.

Странный это был персонаж – вроде бы не карлик, но и не полноценный человек, со слишком широко расставленными глазами под тяжелыми, кустистыми бровями. Несмотря на очень низкий рост, он производил ощущение силача, а темный цвет лица резко контрастировал с волосами песочного оттенка. Было в нем нечто безобразно чуждое, небританское, с отвращением думала Элспет.

В начале, обратившись к ней, кучер приподнял шляпу и поклонился с почтением, однако в дальнейшем на все ее указания отвечал невнятным бормотанием и фырканьем. Элспет пришла к выводу, что он, вероятно, дегенерат и физически не способен к членораздельной речи. Но неприятнее всего было странное выражение его лица, в котором сквозило что-то смутно знакомое – казалось, что он знал ее или она должна была его откуда-то знать, хотя это была их первая встреча.

Как и было условлено, кучер ждал ее на облучке брума²⁵ с задернутыми шторками у пересечения улиц Великого короля и Дандас. Усаживаясь в салон, Элспет удивилась, что там пусто – Фредерик не приехал за ней, значит, придется весь путь проделать в одиночестве. По крайней мере, в бруме она была отгорожена от подозрительного персонажа, который выступал в роли возницы.

Элспет знала, что конспирация совершенно необходима – ей нельзя было ехать в «Крунах» ни на каком городском транспорте, где ее могли бы узнать или проследить маршрут. Любой намек на ее связь с домом на отшибе, пользующимся дурной славой, или с его еще более печально знаменитым владельцем вызвал бы немедленный скандал и нанес бы непоправимый ущерб ее репутации, а в душном, снобистском, зашоренном обществе Эдинбурга репутация имела первейшее значение для девицы столь высокого социального статуса.

Элспет Локвуд была дочерью и теперь, после смерти своего брата Джозефа, единственной наследницей Джеймса Локвуда, а тот, в свою очередь, был сыном и единственным наследником Уильяма Локвуда. Наделенная неумной энергией и острым умом, девушка гневно отвергала любые ограничения по половому признаку, которые общество пыталось навязать ей. В противовес этому представления отца о ее будущем были как раз весьма ограниченными: он всегда хотел, чтобы дочь нашла себе в Эдинбурге достойного мужа из старинного аристократического рода. Элспет понимала, что нет больших снобов, чем те, кто поднялся по социальной лестнице совсем недавно. И вовсе не отец, а дедушка Уильям был для нее идеалом и примером. Она чувствовала, что именно дедовы качества – его целеустремленность, его беспощадное честолюбие – растворены в ее крови.

Дед Элспет был простым торговцем мануфактурой в бурге Лейт²⁶. Ну, может, не таким уж и простым, ибо у него достало ума и прозорливости, чтобы распознать выгоду от сделок напрямую с капитанами кораблей и управляющими портовых доков, где хранились грузы. Он не скупился на взятки, чтобы обеспечить сохранность самых дорогих товаров, и обладал тонким чувством вкуса, необычным для человека столь низкого происхождения.

Слухи о высоком качестве и низкой цене товаров в лавке Локвуда быстро распространились, и самые практичные из эдинбуржцев – каковых, надо сказать, нашлось изрядное коли-

²⁵ Брум – четырехколесный кэб, конный экипаж с крышей и двухместным сиденьем, спроектированный в 1-й половине XIX века по эскизу британского лорд-канцлера Генри Брума.

²⁶ Бург – административная единица в Шотландии, изначально укрепленное поселение, обладавшее определенными правами; Лейт – порт на севере Эдинбурга, ставший одним из районов этого города.

чество – преодолели свою брезгливость к Лейту и отправились разыскивать выгодное заведение. Вскоре отец-основатель Локвуд избавил их от неудобств, связанных с поездками в порт, открыв лавку в Старом городе. И он пошел еще дальше навстречу своим покупателям – перенес ее в солидные каменные декорации Нового города со всей его викторианской респектабельностью.

С тех пор «Локвуд и сын» стал главным универмагом в городе, а штаб-квартира компании теперь занимала семиэтажное здание, вознесшееся над улицей Принцев. Печать легкого снобистского презрения, правда, по-прежнему ложилась на тех, кто там затоваривался, хотя магазин, сохранивший принцип качества, на котором неколебимо стоял основатель, давно отступился от принципа низкой цены.

Руководство универмагом со временем должен был взять на себя Джозеф, обожаемый брат Элспет. В отличие от Элспет, он был наделен кротким нравом и нежной душой. Джозеф говорил сестре, что сделает ее равноправным партнером и передаст бразды управления компанией, когда придет его время унаследовать семейное дело. Увы, нежная душа Джозефа решила покинуть наш мир раньше срока.

Элспет была потрясена и раздавлена безвременной смертью брата. Сила духа и жизненная энергия, всегда бурлившая в крови, внезапно ее покинули, начались приступы слепой экзистенциальной паники.

Больше мужчин в третьем поколении Локвудов не было, и место отца во главе семейного бизнеса теперь предстояло унаследовать Элспет. Это сулило ей в будущем статус самой могущественной и влиятельной дамы в Эдинбурге, так что женихи начали выстраиваться в очередь. Она знала, что отец ищет для нее того, кто будет в большей степени соответствовать его деловым требованиям, нежели обладать качествами хорошего супруга. Но Элспет в любом случае не собиралась никому позволять командовать собой и компанией, которую считала своей по праву, – если она когда-нибудь и согласится выйти замуж, то лишь на собственных условиях, и никакой муж никогда не заменит ее в универмаге Локвудов.

Она также знала, что никогда не сможет выйти замуж за Фредерика.

Чувства, которые Элспет к нему питала, определенно не имели ничего общего с любовью. Это была скорее темная страсть, охватившая ее тело и разум, но не сердце и душу. Так или иначе, Фредерик обладал столь дурной репутацией, что эдинбургское общество никогда не одобрило бы подобный союз. Элспет до местных нравственных установок не было дела, ей вообще не мешали оковы морали – Фредерик ее от этого избавил, – но она не могла рисковать компанией «Локвуд и сын», которой грозил отток клиентов.

Фредерик утолил ее боль после смерти Джозефа. Система философских и мистических взглядов этого мужчины стала ей опорой, а его плотское бесстыдство открыло перед Элспет новый мир чувственности.

Когда они познакомились, Фредерик Баллор жил на западной оконечности Нового города, в доме на краю длинного ряда из прижатых боками друг к другу особняков-таунхаусов. Дом этот он снимал у доверчивого владельца, который обитал где-то в другом месте. Там Фредерик проводил свои *seances*²⁷ – не такое уж редкое и вполне невинное развлечение, популярное у эдинбургской знати. Однако от действия, которое устраивал он, все отчетливее пахло серой, поползли слухи о дурманящих зельях, да и кое о чем похуже. Слухи эти добрались до ушей домовладельца, и договор аренды был незамедлительно расторгнут раньше срока.

Вскоре после этого распространилась новость о том, что Баллор переносит свою резиденцию в печально известный «Круннах», и подробности биографии этого человека до его переезда в Эдинбург стали шепотом обсуждаться в самых блистательных светских салонах города.

²⁷ Сеансы (*фр.*).

Так что теперь Элспет ехала втайне в глушь, за городскую черту, чтобы увидиться с мужчиной, который становился источником скандалов и интриг повсюду, где бы ни появлялся. Его называли оккультистом и черным магом, авантюристом и торговцем оружием, работавшим на «Ирландское республиканское братство». Еще поговаривали, что во Франции его судили за убийство конкурента.

Но для Элспет Фредерик был освободителем. Она считала свой пол помехой для честолюбивых планов, а Баллор показал ей, что это не помеха вовсе, а ее сила. У женственности есть две стороны, явная и тайная, объяснил он и напомнил, что общество веками пыталось подавить, ослабить прекрасный пол. Он открыл Элспет другую сторону женственности, показал, почему общество боится ее проявлений, панически страшится силы и власти женщин. А сила эта дремлет у нее внутри, сказал он, и ждет, когда ее разбудят.

Кроме того, Фредерик сорвал покровы лжи, в которые империя облекла ее племя. Он поведал истинную историю Элспет и ей подобных, рассказал о крови, которая течет в ее венах. Увлеченно говорил о кельтских женщинах-вождях и о богинях войны, завораживая ее золотистым сиянием единственного глаза, с великой страстью делился легендами о Морриган, Бригит, Махе и о матери-зиме, о самом мироздании – Калех.

Соблазнение Элспет Локвуд Фредериком Баллором было неистовым, напористым и вместе с тем преисполненным почтения, даже благоговения. Оно было окончательным и бесповоротным. И Фредерик соблазнил ее разум не менее успешно, чем тело. Она отдалась и мужчине, и его верованиям. Для Элспет Локвуд мало-помалу открывался новый мир. Мир, прекрасный на свету и во мраке, полный великих тайн, которые ждали разгадки, и темных знаний, суливших открытия.

Пока город за окном экипажа удалялся, уступая место сельским пейзажам, она вдруг осознала, насколько опасную затеяла игру. И мысль об этом напугала ее, а от дурного предчувствия трепет объял до глубины души.

Ритуал должен был состояться ночью. Ночью она получит величайшее из откровений.

Глава 14

Как и было условлено, Генри Данлоп принес фотографии в полицейский участок на Торфikenской площади на следующий же день после полудня. Хайд некоторое время пристально рассматривал на бумаге лицо мертвого человека, словно хотел заставить его выдать свое имя, происхождение, рассказать, что за жизнь он вел и почему ее отняли.

Около трех часов дня, вскоре после того, как на дежурство заступила вечерняя смена, Хайд позвал к себе в кабинет Маккендлесса с Демпстером и вручил каждому восемь фотографий.

– По одной оставьте себе, – проинструктировал он. – Остальные раздайте констеблям, которых я затребовал для этого задания, вечером они должны вернуться и отчитаться. Пока что у нас единственная зацепка в расследовании – предположение о том, что убитый был солдатом. У меня еще несколько копий в запасе, одну я возьму себе. Собираюсь навеститься в замок – может, кто-то из гарнизона опознает повешенного. А вы разбейте констеблей на два отряда и пройдите с ними по всем кабакам, борделям, гостиницам и ночлежкам в Эдинбурге. Везде показывайте фотопортрет. Если наш покойный друг провел какое-то время в этом городе, кто-нибудь его да узнает.

Отпустив Маккендлесса с Демпстером, он велел дежурному позвать еще одного офицера – констебля Иэна Поллока. Поллоку было всего двадцать два года, и у него еще не закончилась стажировка, так что он пока формально обязан был носить полицейскую форму, а не штатскую одежду в качестве детектива. Хайд считал, что он выглядит слишком субтильно и молодо для офицера полиции, именно поэтому и взял юного констебля в свое сыскное отделение – несоответствие внешнего вида Поллока расхожим представлениям о слуге закона и тот факт, что он не успел примелькаться в криминальном мире города, означали, что парень, если понадобится, сможет проникнуть незамеченным туда, где явное присутствие полиции нежелательно.

А сейчас Хайду как раз это и требовалось.

Поллок, стоя у стола капитана, как всегда, демонстрировал смесь желания угодить старшему офицеру и нервический трепет перед его ликом. Хайду этот молодой человек нравился, но также и вызывал досаду своей почти панической реакцией на него – как будто у ни в чем не повинного констебля в руках было повернутое к нему, Хайду, зеркало, а в зеркале отражались грубо вытесанные черты и наводящая страх фигура.

– Мне нужно, чтобы вы побывали на одной подпольной сходке, – сказал Хайд. – Шпионить ни за кем не придется, просто понаблюдайте. – Он протянул Поллоку листовку. – Там выступят три человека, и одним из них будет Джейкоб Макнил Маккендрик, более известный как Кобб Маккендрик.

Вслед за листовкой капитан подал Поллоку газетную вырезку – на литографической картинке, аккуратно выполненной с фотопортрета, был изображен мужчина с буйной шевелюрой и не менее буйной бородой. Он позировал фотографу вполоборота, задиристо выпятив густо заросший подбородок.

Поллок, взяв у начальника листовку и вырезку, тотчас принялся жадно их рассматривать – он был достаточно молодым и неиспорченным человеком, чтобы выполнять свою работу увлеченно.

– Не мельтешите там у людей перед глазами, вам необходимо остаться незамеченным. Просто по стойте в сторонке и понаблюдайте, констебль Поллок, а затем доложите мне.

– Я должен обратить на что-то особое внимание, сэр? – уточнил молодой сыщик.

– Я хочу знать обо всем, что вы увидите и услышите. Мне нужно общее представление о Маккендрике, его привычках и связях. Что касается особого внимания, не упустите призывов к

мятежу, если таковые будут. И постарайтесь взять на заметку всех ирландцев в его окружении, опять же, если таковые будут и если удастся их распознать с безопасного расстояния.

– Я понял, сэр.

Поллок уже взялся за ручку двери, когда Хайд его остановил:

– Иэн, у меня нет оснований полагать, что Маккендрик занимается чем-то противозаконным, но все же постарайтесь соблюсти конспирацию. Народ на такие сходки собирается горячий, они не обрадуются полицейскому согладату в своих рядах.

– Я буду предельно осторожен, сэр. Спасибо, что доверили мне эту миссию. Я вас не разочарую.

– В этом я не сомневаюсь, констебль Поллок, – сказал Хайд.

Замковая скала бескомпромиссно целилась в небо всей своей монолитной тушей из вулканического долерита, нависая над Эдинбургом. А замок высился над Замковой скалой.

За свою тысячелетнюю историю скала и возведенная на ней твердыня, обладавшие стратегически важным положением, были обильно политы кровью – за них шли самые ожесточенные бои на земле Британии, а Эдинбургский замок занял первое место среди крепостей по количеству осад в истории острова.

Последние шестьсот лет в замке располагался военный гарнизон, и после Акта об унии главным вкладом Шотландии в общее дело и в авантюры Британской империи был вооруженный корпус, охранявший столичную цитадель.

Хайда уже ждали. Унтер-офицер в алом мундире и узких тартановых²⁸ брюках – судя по выправке и нашивкам, полковой сержант-знамённый – встретил его на контрольно-пропускном пункте и повел на территорию гарнизона. Это был невысокий человек лет сорока, обладавший характерной для солдат комплекцией – тело выглядело компактным, но мускулистым и жилистым; кроме того, Хайд заметил, что справа, от края лба до нижней челюсти, по его лицу тянется сабельный рубец. Это напомнило капитану, что военная служба метит своих ветеранов, и он почти уверился в том, что повешенный над Лейтом человек с залеченными ранами имел отношение к армии.

Возможно, экскурсия по гарнизону окажется не такой уж пустой затеей, как ему думалось изначально, решил Хайд.

Сержант-знамённый привел его в офицерскую столовую – просторное помещение, облицованное дубовыми панелями, где были расставлены низкие столики с клубными кожаными креслами, – и сказал, что бригадир²⁹ Лоусон скоро к нему присоединится.

Появился дежурный с серебряным подносом, поставил на столик перед Хайдом бокал виски и небольшой графин с водой. Хайд с улыбкой поблагодарил его, но к спиртному не притронулся.

За высокими окнами замка вечерело, и дежурный подбросил полено в камин, горевший в дальнем конце столовой. Пламя заиграло веселее, однако тепло от него не достигало того места, где сидел Хайд, и он чувствовал холод, веками копившийся в толстых каменных стенах за дубовыми панелями.

²⁸ Тартан – шотландский клетчатый орнамент.

²⁹ Бригадир – первичное генеральское звание, между полковником и генерал-майором.

Наконец в столовую вошел высокий, подтянутый человек в штатском и с широкой улыбкой направился к Хайду:

– Эдвард, как поживаешь? Сто лет тебя не видел!

Хайд, встав, пожал руку бригадиру Аллану Лоусону, они обменялись новостями и быстро перешли к делу, которое привело сюда капитана.

– Я слышал об убийстве, – сказал Лоусон. – Жуткая история. Похоже на выходку буйно-помешанного.

– Похоже, – согласился Хайд. – Мотив убийства мы пока не установили, но я боюсь, что это мог быть символический акт, судя по тому, в каком виде мы нашли труп. Однако цель моего визита связана не с убийцей, а с жертвой. Нам ничего не известно о личности повешенного – никто не подавал в полицию заявления о пропавшем родственнике или знакомом, чье описание соответствовало бы этому мужчине. Зато у меня есть предположение, что он мог быть солдатом или, по крайней мере, когда-то служил в армии.

– И ты хочешь, чтобы я проверил, не пропал ли у нас кто-то из гарнизона? Прикажу провосту³⁰ этим заняться.

– Я надеялся, ты покажешь подчиненным вот это...

Хайд открыл кожаный портфель, лежавший у него на коленях, и достал две фотографические карточки – на каждой был посмертный портрет повешенного мужчины.

³⁰ Провост – офицер военной полиции, надзирающий за дисциплиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.